

Арне К. Зайферт

*Гражданская Профилактика
Религиозного
Радикализма в Центральной Азии*

С чего начинать?

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АРНЕ К. ЗАЙФЕРТ

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
РЕЛИГИОЗНОМУ РАДИКАЛИЗМУ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ –
С ЧЕГО НАЧИНАТЬ?**

МОСКВА
ИВ РАН
2020

Ответственный редактор
В. А. Кузнецов

Зайферт Арне К.

3-17 Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии – с чего начинать? / Отв. ред. В. А. Кузнецов; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 69 с.

ISBN 978-5-89282-963-2

Данное исследование констатирует острую необходимость выдвижения политических ненасильственных методов предупреждения религиозной радикализации, ведущей к экстремизму и терроризму в Центральной Азии. В целом, силовые методы борьбы с терроризмом и политическим исламом не дают продолжительного эффекта в искоренении как внутренних, так и внешних истоков терроризма. Его глубинные причины не только сохраняются, но подчас даже усиливают свое пагубное воздействие. В контексте разработки ненасильственных методов противодействия радикализму особого внимания заслуживают вопросы религиозной политики и отношений государства с исламскими кругами. В работе рассматриваются превентивные социальные ресурсы, методы, инструментарий такой работы.

Обложка: Бишкек, музей скульптур под открытым небом. Фотография автора.

ISBN 978-5-89282-963-2

© Зайферт А., текст, дизайн обложки, 2020

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

Научное издание

Верстка: Федулов И.В. Редактор: Грикурова М.С.

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Подписано 24.04.2020. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,125. Уч.-изд. л. 3,1. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения РАН. 107031 Москва, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел. Зав. отделом И. В. Федулов. E-mail: izd@ivran.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Резюме.....	5
Анализ	13
I. МОТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: БОМБЫ НЕ ЗНАЮТ СОЧУВСТВИЯ	17
Аналитическая методика	17
II. РАМКИ СОЦИАЛЬНЫХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЙ	22
II.1 Переломный момент процесса «ренессанса» ислама в Центральной Азии.....	22
II.1.2 Уровень возрождения ислама	22
II.1.3 Религиозная и политическая плюрализация общества	24
II.1.4 «Щит» фундаментализма и классовый вопрос	25
II.1.5 Оценка	27
II.2 Отношение администрации Обамы к проблеме границ Израиля и поселениям	38
III. ИСТОКИ РАДИКАЛИЗАЦИИ И РИСКИ	29
III.1 Социоэкономическое обеднение и социо-психологическое напряжение.....	29
III.2 Религиозная политика	33
III.3 «Сражение за умы» и гегемонию над исламизацией.....	39
III.4 Фактор будущего – молодежь	42
III.5 Субъективный фактор и политическое предупреждение.....	43
IV. ПРЕВЕНТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ	44
IV.1 Гендер и гражданское предупреждение	44
IV.2 Социокультурный плюрализм	48
IV.3 Ханафия – традиционный мазхаб Центральной Азии	52
IV.4 Обобщение	53

V. ГРАЖДАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ, МЕТОДЫ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ	54
V.1 О главном	54
V.2 Потенциал отражения исламистского терроризма	55
V.3 Ключевые области предупреждения – методологические предложения	56
V.4 Превентивные приоритеты	57
V.5 Категоризация приоритетности профилактических мер	59
V.5.1 Меры по категориям	60
V.5.2 Краткосрочная стратегия по созданию доверия между государством и религиозными деятелями и общинами	64
VI. СОВМЕСТНЫЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕОФУНДАМЕНТАЛИСТСКОЙ ИНДОКТРИНАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	68

РЕЗЮМЕ

Некоторые участники исследовательского проекта¹, посвященного анализу социальной и религиозной специфики Центральной Азии, спрашивали меня, с чего *конкретно* начинать противодействие и ослабление религиозной радикализации с помощью преимущественно гражданских ненасильственных практик. В этом исследовании участвовали около 80 ученых, правительственных чиновников, представителей исламских общин и НПО из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, России и Германии. Конкретность постановки вопроса побудила меня провести повторный анализ существующего источниковедческого материала² с точки зрения практических действий, сравнить его с научной литературой и обогатить новыми свежими источниками. Кроме того, я опираюсь на уникальный совместный документ, подготовленный этими экспертами – «О профилактике религиозного радикализма в Центральной Азии – ответственность государства и религий за гражданский мир»³ (Алматы, октябрь 2017 г.).

Исследование базируется на следующем тезисе: опыт борьбы с терроризмом и джихадизмом в том виде, в каком он практикуется на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и других регионах, в Центральной Азии и Евразийских мусульманских регионах ОБСЕ наталкивается на определенные барьеры. Если в Европе джихадистские силы действуют как исламистские *меньшинства* в пределах христианского большинства, то в евразийских регионах они выступают в условиях мусульманского *большинства* населения. Первоначально этот тезис носил гипотетический характер, однако полевые исследования в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане подтверждают его верность.

¹ Проект проводила группа научных сотрудников Центра исследования деятельности ОБСЕ (CORE) Института мира и политики безопасности Гамбургского университета. Автор данной статьи участвовал в проекте как его инициатор и научный руководитель. Проекту содействовал МИД Германии.

² Evers F., Klötzer J., C. Seifert A., Somfalvy E. Civilian Prevention of Radicalization in Central Asia. CORE Working Paper 30, Hamburg, April 2018, www.core-hamburg.de/deo

³ Ibid.

Конкретизация предмета исследования

Терроризм в Центральной Азии как таковой не является предметом исследования. Скорее мой исследовательский подход основан на разнице между последствиями джихадистского терроризма в Европе и Центральной Азии. Если террористические действия наносят европейским обществам ощутимый вред, то в центрально-азиатских мусульманских светских государствах они могут вызвать системные кризисы. В свою очередь это может иметь серьезные негативные последствия не только для самих обществ, но и для всего евразийского пространства. Особенное беспокойство вызывает тот факт, что не только и не столько терроризм может привести к таким последствиям. Скорее именно неразрешенные социально-экономические проблемы могут мотивировать человека стать террористом. А это нередко является незаметным эволюционным мотивационным циклом, который начинается с социальной неудовлетворенности, доходит до радикализации и оттуда устремляется в экстремизм и терроризм. Исследование именно этого цикла, а также определение потребностей и возможностей *гражданского, основанного не только на силовых методах*, сопротивления ему, является предметом данной работы.

1. Радикализуется ли население исследуемых стран?

Хотя религиозная радикализация является главным предметом исследования, невозможно ответить на этот вопрос однозначно «да» или «нет». Поиск ответа становится проще, если охват вопроса сужается до мусульманского сегмента населения. Среди этой группы можно четко наблюдать развитие эволюционного цикла: социальная неудовлетворенность, радикализация, экстремизм и на последнем этапе – терроризм. Вступление в цикл вызывается, в первую очередь, ограничением или нарушением права на свободу вероисповедания, социально-экономическим стрессом, а также религиозной политикой в светском государстве. В пользу существования цикла свидетельствует тот факт, что Центральная Азия является третьим крупнейшим поставщиком иностранных боевиков для «Исламского государства», «Фронта ан-Нусра» и других террористических организаций в Ираке и Сирии, а также группи-

ровок ДАИШ на севере Афганистана, где создается плацдарм для экспансии в государства Центральной Азии и в Россию. Кроме того, следует отметить, что из наших собеседников никто не отрицал, что тенденция к радикализации действительно существует. Все они приветствовали исследование этой тенденции, а также вопрос о гражданском предупреждении этого процесса.

2. Изменение социальной среды радикализации и работы по ее предупреждению

Угроза радикализации, экстремизма и терроризма возникла перед государствами и обществами Центральной Азии в переломный этап их развития, представляющий собой исторический переход к возрождению и эмансипации ислама. Процесс, по существу, уже завершен – абсолютное большинство населения считает ислам своей исконной религией. Однако, в случае, когда путь этого большинства пересекают воинственно настроенные, обещающие «благо и счастье» проповедники разного рода, недовольство и готовность к радикализации непременно находят свою религиозную коннотацию. Феномен индивидуальной ассоциации с религией начинает ослаблять отношение к светской власти, которой не хватает чувствительности относительно религиозности.

В результате, для обеих сторон – светской и исламской – возникает весьма сложная ситуация. По существу сталкиваются взаимоисключающие парадигмы социальной власти – с одной стороны, светская, со своей специфической советской концепцией отделения религии от государства. С другой – исламистская, стремящаяся к исламскому государству, халифату. Иными словами, возникли новые идеологические и политические условия для формирования светской модели и выработки политики государственно-конфессиональных отношений. Эти условия заставляют светское государство искать способ сосуществования с исламским фактором. Оно стоит перед новым трансформационным вызовом, состоящим в необходимости демократизировать свое понимание секуляризма ради мирного сосуществования между политикой и религией. Если носители политической власти не смогут осуществить такую реформу в ближайшее время, то эскалация эволюционного цикла неизбежна.

3. *Радикализация и религиозная политика*

Помимо социально-экономических причин, государственное регулирование религиозной сферы является существенным структурным фактором, влияющим на радикализацию. Объективно религиозная политика нуждается в лояльности, творческом подходе и сдерживающей силе религиозного большинства населения в интересах консолидации государства и предотвращения возникновения радикализма, ведущего, в худшем случае, к экстремизму и терроризму. Исламское большинство, в свою очередь, нуждается в защите государства против его религиозного отчуждения извне.

Наблюдается определенная градация от понимания необходимости более уравновешенных отношений с исламской сферой, в том числе и с политически активными членами религиозной элиты, до экстремистских подходов, в том числе и со светской стороны. Положительно оценивалась не только «сравнительно либеральная» религиозная политика в Кыргызстане и Казахстане, но и осуждалось то, что, согласно международным рейтингам по ограничению свободы вероисповедания, три государства Центральной Азии имеют очень высокие показатели.

Наблюдается также градация и в исламской среде – от экстремистских, близких к терроризму позиций, вплоть до реформаторских. Последние призывают к мирному сосуществованию и сотрудничеству в светских конституционных рамках. Один из видных исламских интеллектуалов предлагал государству «внимательно прислушиваться к тем сигналам, которые подает община, и идти им навстречу. Перед самой общиной сейчас остро стоит вопрос, видит ли государство в исламе партнера и союзника или же рассматривает его как соперника и угрозу?»

4. *«Сражения за умы» и гегемония над исламизацией*

Центральная Азия стала международным полем столкновений нескольких исламских моделей. Конкурируют друг с другом салафитские партии, спонсируемые арабскими источниками, с одной стороны, и центральноазиатская школа ханафитского мазхаба, признанная государствами и традиционно укоренившаяся в обществах, с другой. Последняя, однако, находится в теологическом

и духовном застое. Государство не выводит ее из этой ситуации, не поддерживает ее богословов и имамов. В этом контексте возникает чрезвычайно важный вопрос о гегемоне и гегемонии над процессом исламизации в Евразийском регионе. В этом вопросе пересекаются региональные и глобальные уровни «перетекания» радикальной исламистской идеологии в Центральную Азию. Глобальное измерение связано с идеологическим воздействием со стороны заинтересованных внешних сил, ставящих перед собой задачи всемирного масштаба (таких, как Аль-Каида или ДАИШ). Т.е. региональный исход вопроса о гегемонии решается «открытием ворот» Центральной Азии на южном направлении. Важно подчеркнуть, что салафитская религиозная индоктринация «международного» происхождения выстраивается в первую очередь на почве *внутренних условий*. Таким образом, политическое предупреждение и «сражение за умы» включают общественное, региональное, трансрегиональное и евразийское измерение. Причем проникновение исламизации в Центральную Азию «гражданскими» методами – особенно опасная версия салафитской индоктринации. Она стремится менять религиозный характер исламизации в регионе мирными средствами «снизу». Их конечная цель – не обязательно исламское «государство», а исламизация общества на исключительно реакционном основании. Прежде всего исчезают достижения гендерной эмансипации советского периода. В целом, «гражданская» радикализация является более опасной, потому что верующим легче ассоциировать себя с ней, чем с террористическими методами.

5. Истоки религиозной радикализации

Настоящий анализ подробно характеризует истоки эволюционного цикла радикализации, а также ресурсы социального предупреждения. Однако уже здесь необходимо подчеркнуть определяющую роль трансформационных процессов, представляющих собой структурный фактор, стимулирующий и религиозные процессы, и радикализирующий цикл. Участники семинаров, а также авторы академических исследований сходятся в оценке, что в первую очередь трансформационные процессы являются

главной «мотивационной сферой, пробуждающей интерес к религии, формирующей стремление достичь религиозного статуса, как значимого в системе идентичностей, связаны с экзистенциальным кризисом, который наступил синхронно с процессами социальных изменений, включая социально-экономическое обеднение и социально-психологическое напряжение»» (Бурова; Казахстан).

Анализ ресурсов социального предупреждения радикализации особенно выявляет значимость внутренних потенциалов, среди которых особенно важную роль играют вопросы, связанные с гендерной проблематикой и социокультурным плюрализмом. Реалистичность и успех гражданского предупреждения зависят от мобилизации, главным образом, гендерного потенциала. Женское население особенно выделяется своим первостепенным значением. В центре анализа превентивного потенциала социокультурного плюрализма стоит уникальность двойной, советской, светской социокультурной социализации, ассоциированной со структурными исламскими нормами жизни, которая «породила» человека «нового типа» – светского мусульманина. В конечном счете он и определяет дальнейшие пути общественно-политического развития своей страны.

6. Субъективный фактор и политическое предупреждение

Исследования показывают, что преобладающая доля причин, вызывающих недовольство, ведущее к радикализации, маргинализуется и остается нерешенной на субъективном уровне. В этой связи, с точки зрения стратегического значения политического предупреждения, вопросы религиозной политики и взаимоотношения действующей власти и исламских кругов требуют особого внимания. Об этом свидетельствует тот факт, что в наших беседах эти вопросы занимали видное место. Очевидно, что они являются ключевыми в смысле гражданско-политической профилактики.

7. Неизбежность новой парадигмы светско-исламских отношений

Нет сомнений в том, что светское государство должно быть адаптировано к ситуации, когда религиозно и политически активное большинство населения является исламским. В этом контексте следует обратить внимание на следующее: во-первых, преобладающее мусульманское население делает государство в своей религиозной конституции плюралистическим исламским государством. Во-вторых, это означает, что ислам живет также в политической системе, в политическом сообществе. В-третьих, исходя из этого, можно заключить, что теория о несовместимости секуляризма и ислама, основывающаяся на том, что в исламе нет церкви в качестве религиозного института, представляющего верующих, неверна. Главный вопрос в другом: речь идет о *совместимости* религии и политики. Тем более что ислам является политической религией.

Следовательно, на сосуществование секуляризма и ислама институциональный аспект хоть и влияет, но во вторую очередь. Основная проблема – регулирование общественного сосуществования веры, религиозности человека (т.е. субъективного фактора) и политики в широком смысле. Это, в свою очередь, ставит *гражданина* в центр отношений государства с религией. Соответственно центральным критерием, по которому можно оценить пригодность любого регулирования отношений между политикой и религией, является гражданин и его конституционно закрепленные человеческие и демократические права. Следовательно, такая новая парадигма открывает новые дороги для регулирования отношений между политикой и религией.

8. Гражданская стратегия, методы, инструментарий

Последний раздел возвращает нас к отправному мотиву исследования – охватить центральноазиатскую *социальную специфику* и соответствующие этому гражданские варианты предотвращения религиозной радикализации. Каковой должна быть стратегия гражданского превентивного реагирования? Она должна быть социально релевантной и приемлемой для максимально возможного большинства затронутых сторон, включая правительства. Определение

целей должно основываться на реалистической оценке истоков и причин радикализации, их характера, общественного охвата. Соответственно, следует уточнить социальное целевое направление действия. Опираясь на предложения Алматинского Меморандума, исследование предлагает превентивные приоритеты; рекомендует категории средств предупреждения (краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные), включая деятельность НПО; структурирует краткосрочные мероприятия по созданию доверия между государством и религиозными деятелями и общинами.

Заключают работу следующие предложения:

9. Совместные евразийские интересы предупреждения неорационалистской индоктринации ЦА

Вопросы и последствия внешней религиозной индоктринации и проникновения в Центральную Азию и другие мусульманские евразийские регионы требуют серьезного внимания международного и европейского сообщества, в частности Российской Федерации и Китая. В качестве общей мотивации можно предположить интерес к поддержанию безопасности и стабильности на евразийском пространстве. Ввиду совпадающих интересов, а также рисков и угроз, обращение к этой проблематике сообщество могло бы даже укрепить международное доверие.

Кроме того, стоило бы подумать о создании системы «Превентивной гражданской дипломатии ОБСЕ». Преимущество ОБСЕ состоит в том, что государства – участники этой организации – это евразийские партнеры. В пользу такой «превентивной дипломатии» также говорит тот факт, что воинственная антизападная ориентация ближневосточных исламистских движений пока не доминирует в центральноазиатской исламской ориентации. Пока что есть время избежать того, что отношение Европы к политическому исламу в Центральной Азии попадет в столь же глубокий тупик, как в случае с Ближним и Средним Востоком.

Анализ

«В борьбе против религиозной радикализации нет фронтовой линии, есть лишь индивидуальные цели».

Так один киргизский офицер обобщал свой опыт борьбы с экстремизмом и терроризмом в собственной стране. Он был одним из порядка 80 ученых, правительственных чиновников, представителей исламских общин и НПО из Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, участвовавших в исследовании по проблемам религиозной радикализации и экстремизма, а также потребностям *гражданской* дерадикализации и профилактики радикализма.

Важным результатом этого процесса является меморандум о взаимопонимании «О профилактике религиозного радикализма в Центральной Азии – ответственность государства и религий за гражданский мир». О его содержании договаривались эксперты и ученые из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, России и Германии в октябре 2017 года в Алматы. Этому предшествовали семинары, фокус-группы и индивидуальные встречи в Москве, Бишкеке, Оше, Алматы и Душанбе¹.

Значение меморандума состоит не только в том, что он является первым коллективным документом, подготовленным региональными экспертами, а также исламскими и светскими активистами гражданского общества на тему специфики, необходимости, требований и возможностей гражданского предупреждения религиозной радикализации в Центральной Азии. Ценность этого меморандума также и в том, что его содержание и направленность сохраняет актуальность до сих пор.

¹ В диалоге приняли участие 32 человека. Со светской стороны – госсоветники Президента Таджикистана, несколько министров, замминистров, председатели Госкомитета по делам религии и независимые эксперты; с исламской стороны – два заместителя председателя ПИБТа, бывший начальник штаба вооруженных сил ОТО и др. Модераторы – Исследовательский центр ОБСЕ (CORE), Гамбург, с 2003 г. также Институт Международных Исследований (HEI), Женева.

Вводные замечания

Последующий анализ и рекомендации заостряют внимание на приоритетных сферах *гражданского* предупреждения религиозной радикализации в Центральной Азии. Они опираются на анализ специфики социальных условий, источников и причин радикализации, представленный в исследовательском проекте. Далее, принимая во внимание, что исследования проблематики гражданского предотвращения религиозной радикализации могут опираться только на сравнительно небольшие по объему источниковедческие материалы, настоящая работа также включает некоторые аспекты опыта постконфликтного неформального светско-исламского диалога «Меры по укреплению доверия»¹ в Таджикистане. Он проходил через три года после окончания гражданской войны и подписания мирных соглашений между правительством и Объединенной таджикской оппозиции (ОТО). Этот опыт особенно важен с трех точек зрения: во-первых, с позиции реального миротворческого интеллектуального потенциала для предотвращения светско-исламистских конфликтов и поиска компромиссов. Во-вторых, с позиции превентивного обращения с «политическим исламом». ДАИШ и Аль-Каида доказывают, что они готовы вести войны за исламское государство. Одновременно, как положительный, так и отрицательный опыт Таджикистана доказывает, что исламское государство *не должно быть* единственной и неизбежной стратегической целью для *всех* исламских политиков и интеллектуалов.

¹ В диалоге приняло участие 32 человека. Со светской стороны госсоветники Президента Таджикистана, несколько министров, заместителей министра, председатели Госкомитета по Делах религии и независимые эксперты; с исламской стороны два заместителя председателя ПИВТа, бывший шеф штаба вооруженных сил ОТО и др. Модерация осуществлялась Центром Изучения ОБСЕ (CORE), Гамбург, и в 2003 г. еще Институтом Международных Исследований (HEI), Женева. Финансирование было предоставлено министерствами иностранных дел Германии и Швейцарии. В качестве модераторов приняли участие Жан-Никола Биттер, Фредерика Геран (оба: Швейцария), Арне К. Зайферт (научный руководитель, Германия), Анна Крейкемейер, Диля Рахмонова-Шварц (Германия). Публикация на русском языке: Построение доверия между исламистами и секуляристами – таджикский эксперимент. Душанбе, 2004.

Поэтому с *внутренней превентивной перспективы* таджикский опыт неизменно заслуживает должного внимания. Наконец, он интересен для понимания превентивных возможностей внешнего регионального посредничества.

Материал в своей начальной части знакомит читателя с мотивами исследования и методологическими вопросами. Во второй части он рассматривает социальную среду, в третьей – источники и причины радикализма. Четвертая часть – рекомендательная. Предлагая читателю необходимые и одновременно *возможные* поля превентивных стратегий и действий, автор старается отвечать на вопрос «С чего начинать?». При представлении вариантов действий и оценок ситуации он предпочитает представлять аутентичные предложения региональных партнеров. При этом автор принимает в расчет, что по ряду причин некоторые партнеры предпочли бы, чтобы их не называли здесь по имени. Поэтому их вклад в данную работу будет выделен курсивом и отмечен кавычками без указания фамилии.

Далее. Автор считает целесообразным уточнить, что понимается под радикализацией. Определения этого термина многочисленны, но с точки зрения автора, больше всего отражает суть и всю сложность радикализации следующее:

Радикализация это «динамический, обратимый, постепенный и индивидуальный процесс, который заставляет человека принимать точки зрения и/или цели, которые резко отличаются от широко распространенных в данной среде и иногда могут доходить до экстремизма. В течение этого процесса любой вид насилия (физическое, моральное, террористическое) легитимизируется как средство достижения конечной цели. Процесс завершается, когда, принимая убеждения или верования, личность готова и способна совершать насилие»¹.

¹ SITUATIONAL UNDERSTANDING ON VIOLENT RADICALIZATION THAT RESULTS IN TERRORISM. TWO GRAPHIC MODELS THAT PROVIDE CLARITY ON THE TOPIC, UNIVERSIDAD DE GRANADA, INTERNATIONAL SECURITY STUDIES GROUP, GESI Analysis, JUL 02 2018. URL: <http://www.seguridadinternacional.es/?q=es/content/situational-understanding-violent-radicalization-results-terrorism-two-graphic-models>.

Автору хочется дополнить это определение ещё одним наблюдением из того же источника:

«Основанная на насилии радикализация, которая приводит к терроризму, – комплексная проблема, в которой есть несколько переменных. Попытаться решить ее полностью, действуя лишь против *одной ее части*¹, не принимая во внимание отношения между ее компонентами, эффекты второй и третьей волны – значит сделать все возможное, чтобы уничтожить безопасность (например, уничтожая маковые поля в Афганистане, не предоставляя равнозначных или сравнимых источников дохода)»².

¹ Курсив наш.

² Там же.

I. Мотивы исследования: бомбы не знают сочувствия

Для стран Центральной Азии, а также Германии, России и евразийского пространства ОБСЕ в целом, религиозная радикализация, экстремизм и терроризм представляют собой важный, не только краткосрочный вызов.

Опыт борьбы с терроризмом и джихадизмом в том виде, в каком он практикуется на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и других регионах, в Центральной Азии и Евразийских мусульманских регионах ОБСЕ наталкивается на определенные барьеры. То же самое можно сказать относительно европейского и немецкого опыта. Это связано, в первую очередь, со спецификой социальных и религиозных условий. В западных странах джихадистские движения действуют в социальной среде, коренным образом отличающейся от центральноазиатской. Если в Европе они действуют как исламистские *меньшинства* в пределах христианского большинства, то в евразийских регионах они выступают в условиях мусульманского *большинства* населения. В Центральной Азии радикализации таких движений способствуют катаклизмы сложных процессов трансформации, государственного и национального строительства, религиозного возрождения, латентных национальных и транснациональных конфликтов.

Далее, после почти трех десятилетий антитеррористических стратегий, ориентированных преимущественно на силовые методы и меры внутренней безопасности, оказалось очевидным, что такие действия не только не смогли уменьшить террористические угрозы, а оказались контрпродуктивными с общественно-политической точки зрения. Даже после военного разгрома опор ДАИШ на Ближнем и Среднем Востоке, уже сегодня «некоторые российские политики [...] говорят также о возможности «реанимации» ДАИШ. Организация потеряла территории, это правда, но её идеология, сторонники и возможности к мобилизации никуда не делись. [...] Идеология ДАИШ, «взывающая к справедливости», по-прежнему остаётся

привлекательной, и даже используемые ею жестокие и кровавые методы не отталкивают вдохновенных идей неофитов»¹.

На фоне подобного довольно проблемного опыта данное исследование преследует цель, с одной стороны, выяснить потребности и возможности разработки целостной стратегии скоординированного разделения труда между гражданским предупреждением в общественном разрезе. С другой стороны, оно определяет действия в сфере политики безопасности против террористических угроз *там, где это неизбежно* и не ущемляет успех гражданских стратегий, направленных на искоренение *истоков и причин* радикализации и экстремизма. Такие стратегии должны считаться естественными составляющими внутренней политики, а не конъюнктурной тактикой.

Аналитическая методика

Дальнейшие исследования, с методологической точки зрения, руководствуются двумя взаимно дополняющими составляющими: *первая* – каково соотношение между превентивными *целями и средствами*. Здесь нас интересует в первую очередь эффективность превентивных и дерадикализирующих *средств*. В какой степени *намерения, методы и средства* соотносятся с целью достижения оптимальных превентивных целей? Вторая – это выяснение *качества и эффективности* избранных *средств*.

Главными критериями по первой категории – соотношение *цели и средства* – являются достижения или неудачи сторон в борьбе за свои *стратегические цели*.

Что касается *салафитских и джихадистских группировок*, в том числе ДАИШ и Аль-Каиды, то несмотря на религиозное и тактическое разнообразие исламистских движений, они стремятся изменить существующий светский порядок региона. Они выступают за салафитский образ жизни населения (халифат), стараются расширить территорию своего религиозного влияния путем ликвидации «искусственных» международных границ, которые, по их мнению, раскалывают исламское сообщество.

¹ Звягельская И. Д. Ближневосточный символизм. Возможна ли «реанимация» ДАИШ?, URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/blizhnevostochnyy-simvolizm/> (дата обращения: 22.02.2020)

Стратегические цели светских государств направлены прежде всего на предотвращение распространения религиозного и общественного влияния салафитских сил, которое ставит под угрозу светскую направленность региона. К этому относятся такие задачи, как ликвидация или уменьшение институциональных источников и других причин религиозной радикализации; повышение удельного веса гражданского, ненасильственного противодействия радикализации, что позволит поддержать внутренний мир, учитывая религиозный и социокультурный плюралистический характер общества. Необходимо разработать миротворческие концепции в отношениях с мусульманской общиной, повысить доверие и сотрудничество между государством, мусульманскими и другими религиозными общинами, не допустить превращения Центральной Азии в новый источник международных террористических движений.

Второй критерий – эффективность самих средств. С помощью этого критерия мы анализируем инструменты и методы профилактики с точки зрения их реальной эффективности. При этом учитывается то, что и светские и исламские стороны затрудняются ради достижения компромиссов отказаться от позиций, которые они считают неотделимыми с институциональной¹ или религиозно-теологической точки зрения. С другой стороны, ввиду слабой экономики некоторые превентивные меры, например, в социально-экономической сфере, иногда трудно применить на практике. Поэтому наш анализ разделяет превентивные меры первичного, институционального значения и их производные факторы вторичного значения.

Под термином «институциональный» понимается доминирующий фактор. Вторичный фактор – это элемент, скоординированный с институциональным. Он служит ему, как правило, в исполнительных,

¹ Под термином «политический институт» здесь понимаются органы государственной власти (например, правительство и парламент), определенные организации (например, политические партии или профсоюзы), а также определенные процедурные правила (например, правила проведения выборов). Правительство понимается как подкатегория более широкой политической системы.

временами и тактических интересах, не отказываясь от своей сущности и догм¹.

«Институционные» и «вторичные» факторы могут диалектически дополнять друг друга, что доказывается следующими примерами: в Казахстане опрос по конфликтогенному потенциалу на религиозной основе установил, что 32,5% опрошенных мусульман считают причиной своего недовольства случаи нарушения их прав на религиозной почве. 17,2% сталкивались с противоправными действиями, дискриминирующими их или членов их семей по религиозному признаку².

В этом примере соотношение «институт» – «вторичные факторы» состоит в следующем: «институты» – в этом случае руководство государства в лице правительства и/или парламента – для того, чтобы воспользоваться методами ненасильственной гражданской профилактики, должно иметь возможность поручить государственным и юридическим органам гарантировать верующим свободу вероисповедания. Таким образом описанная выше причина религиозной неудовлетворенности могла бы быть развеяна. В этом случае превентивная связь между «институтами» и «вторичными факторами» очевидна: «институт», устраняя «оперативным (вторичным) способом» данную причину радикализации, таким образом нейтрализует угрозу для самого себя, не отказываясь от своих ценностных и политических принципов.

Обратный пример, уже в исламистском направлении, мы встречаем в Таджикистане. В рамках выше упомянутого неформального светско-исламского диалога «Меры по укреплению доверия» появилась следующая сложная конструкция. Для исламских представителей признание светского характера государства и его конституционная легализация оказались принципиально неприемлемыми. По их оценке, такое понимание государства исходит из принципа отделения религии от государства, придает государству «антиисламский» характер. Компромисс нашелся на основе

¹ См.: ArnoWaschkuhn, Institutionen, in Dieter Bohlen, Wörterbuch zur Politik, Politikwissenschaft, R. Piper GmbH. München, 1989. S. 376/78.

² Ассоциация социологов и политологов Казахстана. Этнорелигиозные идентификации религиозной молодежи. Отчёт по результатам опроса молодежи 23 апреля – 6 мая 2016 года. С. 32.

того, что исламские представители признали «конституционный принцип отделения религиозных *организаций* от государства¹ как основу сотрудничества и сосуществования, а также для участия в мерах по укреплению доверия»².

В дальнейшем, понимание разницы между институционными и вторичными факторами, а также ее умелое применение, будут играть немаловажную роль, особенно в разделе о методах предотвращения, когда речь пойдет о категоризации истоков и причин радикализации и подходе к их решению.

¹ Действующая формулировка 8-й статьи конституции гласит: «Религиозные объединения отделены от государства и не могут вмешиваться в государственные дела». URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112>.

² Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. Меры по укреплению доверия, принятые участниками неформального светско-исламского диалога в Таджикистане, Working Paper 12, page 30, Hamburg 2004. URL: <http://www.core-Hamburg.de>.

II. Рамки социальных и социокультурных условий

Следующий раздел рассматривает рамки социальных и социокультурных условий, на фоне которых может возникнуть религиозная радикализация, связанная с исламским фактором, а затем перерасти в экстремизм и терроризм. Следует подчеркнуть, что подобные эволюционные процессы развиваются и разворачиваются в контексте исламского «возрождения» общества в целом. Хотя эти процессы в разных странах различны (здесь мы рассматриваем Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан), они касаются всего региона. Делаем важнейший вывод: в таком регионе, как центральноазиатский, где население несет бремя возрождения своей исконно религиозной идентичности, следует обращаться с религиозной радикализацией, ее источниками и причинами, а также с характером и средствами предотвращения исключительно осторожно. В противном случае верующие могут повернуться в сторону политической исламской ориентации.

II.1 Переломный момент процесса «ренессанса» ислама в Центральной Азии

II.1.2 Уровень возрождения ислама

Угроза радикализации/экстремизма/терроризма возникла перед государствами, светскими правительствами и обществами Центральной Азии на переломном рубеже их развития: если исходить из статистических данных, «ренессанс» ислама в целом завершен. Сегодня абсолютное большинство населения считает ислам своей исконной религией¹.

¹ Из 57 млн жителей Центральной Азии около 53 млн или больше 90% населения, сегодня исповедуют ислам. При среднегодовом приросте населения в 1,7% (30% населения моложе 15 лет) увеличение количества мусульман будет постоянным. Как показывает социальный опрос по ожиданиям родителей в отношении религиозности детей в Казахстане, треть (32,6%) респондентов хотела бы видеть своих детей верующими, вовлеченными в религиозную жизнь, а 66,7% – уважающими религию, но с позиции сторонних наблюдателей. 12,1% предпочли бы, чтобы дети были равнодушны к религии, а 9,3% – чтобы стали

В этом контексте необходимо учитывать следующую специфику: с одной стороны, «ренессанс» ислама произошёл в исторически беспрецедентно коротком промежутке времени около двух десятилетий. В литературе это называется «лавинообразным характером»¹. С другой стороны, ислам со своими ценностными правилами в течение примерно тысячелетия определял общественные нормы. Переходя из поколения в поколение, в «переходный» советский период он также остался нормативной «определяющей структурой», «внутренние правила которой по большей части соблюдались в социальной практике»². В-третьих, «лавинообразный характер» можно понимать как своего рода кульминационный феномен в процессе социокультурной адаптации личности к «кардинальным изменениям в политических, экономических, социальных и духовных сферах», как определил социолог Шоназар Шойстматуллоев трансформационные процессы в Таджикистане, которые он наблюдал. «Эти изменения происходят постепенно, не сразу и не тотально. Нужно время, и немалое, чтобы ценностные основы сознания и стандарты поведения [...] стали меняться»³. Признание того, что большинство населения в связи с адаптацией к социальным переменам предпочитает возвращаться к религиозным, политическим и философским институтам прежних эпох, должно заставить задуматься западные державы, экспортирующие демократию: «Жизненные установки могут быть старше и стабильнее политических порядков, и они могут выжить, если конец системы уже провозглашен»⁴.

атеистами. (Бурова Е. Тренды новой религиозности в Казахстане: опыт социогуманитарного измерения. Алматы, 2014. С. 165)

¹ Осмонова Д. А. Особенности противоречий и взаимодействия гендера и религии в современной Центральной Азии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 11–1. С. 170–174. URL: <http://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=12471>

² Redecker E. von. Praxis und Revolution, Eine Sozialtheorie radikalen Wandels (Практика и революция, социальная теория радикальных изменений). Frankfurt, 2018. P. 149.

³ Шойстматуллоев Ш. Таджикистан в зеркале преемственности и смены поколений. Душанбе, 2008. С. 188.

⁴ Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert (Советское столетие). Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn, 2018. S. 20.

По нашим наблюдениям, в качестве особого атрибута исламского «ренессанса» выделяется индивидуальное отношение «молодых» верующих к «своему» исламу. Это выражается, например, в том, что партнеры просили нашу исследовательскую группу не пользоваться «преувеличенной» терминологией, которая сводит радикализацию к терроризму, а также не путать такие термины, как «халифат» и «салафизм» с терроризмом. Нам представилось, что свобода вероисповедания имеет большое значение, а ее нарушение является личной травмой. Феномен индивидуальной ассоциации с религией начинает ослаблять связь со светской властью и обществом. Все это указывает на то, что процесс исламизации начинает формировать новые индивидуальные черты социокультурного и религиозного сознания. Казахская собеседница оценила это как «эмансипацию ислама», его выход из теневого существования в советский период.

С другой стороны, нужно констатировать, что глубина религиозных знаний среди населения пока остается низкой, особенно у молодежи. Во многих наших разговорах указывалось на этот «вакуум» религиозных знаний. Он оценивается как ворота для внешней исламистской религиозной и идеологической индоктринации. Например, во время консультации в Казахстане в экспертном кругу был сделан вывод, что салафизм влияет на развитие казахской этнической идентичности. В целом, вместе с низким уровнем религиозных знаний, внешние исламистские движения видят в «ренессансе» ислама и неспособность светских режимов приспособиться к этим процессам, что улучшает перспективы исламистов для внедрения в общества Центральной Азии.

II.1.3 Религиозная и политическая плюрализация общества

Таким образом, комплексную «эмансипацию» ислама можно понимать как переходный этап в формировании молодых светских государств. С социальной и социокультурной точек зрения, они больше не являются ни «чисто» светскими, ни «чисто» мусульманскими государствами, а скорее плюралистическими. Такая социокультурная «гибридность» такого рода придает региону и про-

исходящим в нем процессам формирования молодых государств исключительную специфику по сравнению с традиционными исламскими обществами Азии и Африки. Эта «гибридность», как мы увидим позднее, содержит в себе уникальный *человеческий потенциал* для новой модели синхронизации секуляризма и ислама, сотрудничества между ними. Она крайне нужна Евразии, являющейся перекрестком между европейским, как светским, так и христианским, и русским православным пространством, исламским югом и буддистским востоком Китая и Пакистана.

Тридцать лет тому назад, когда в связи с получением независимости центральноазиатскими государствами, было принято решение в пользу светской политической системы, подобное возрождение ислама нельзя было даже предвидеть.

Никто тогда не представлял себе, что «ренессанс» или даже «эмансипация» ислама станут однажды реальностью. Постсоветские правительства, да и Россия, и Запад не ставили в расчет историческую силу и долговечность общественных социокультурных структур, опирающихся на исламские нормы. Исламские традиционалисты, в свою очередь, понимали это. Тогда они потребовали равноправного места в процессах создания молодых государств, но уже тогда им не доверяли, их устранили от национальной ответственности. Сегодня оказывается, что светскому государству приходится искать способы сосуществования с исламским фактором. Оно стоит перед новым трансформационным вызовом: демократизировать свое понимание секуляризма, привести его в соответствие с принципом мирного сосуществования и сотрудничества между светским и религиозным аспектами.

II.1.4 «Щит» фундаментализма и классовый вопрос

При таких условиях было бы ошибочно подходить к *истокам* радикализации и радикализма преимущественно с конъюнктурной точки зрения борьбы против терроризма. Гораздо важнее понимать эти феномены как логически обусловленные, чуть ли не органические продукты сложных процессов системной трансформации и государственного формирования. Все они вызвали – и спустя

четверть века это стало предельно ясно – практические последствия, отразились на общественной психологии, увеличили разнообразие интересов и идентичностей в обществах, изменили представления о справедливости и о «правде». Трансформация по так называемому типу неолиберальной «шоковой терапии» особенно склонна вызывать глубокие социальные потрясения, воздействие которых подвергает общества «без какого-либо защитного зонтика или временной задержки жесткому разрушению их символической вселенной». У обществ «нет времени для создания нового символического баланса. Неудивительно, что для некоторых из них, охваченных паникой, единственный способ избежать полного краха – построить щит фундаментализма»¹.

Казахстанский эксперт Елена Булова, на основе исследований о мотивационной сфере, пробуждающей интерес к религии, подтверждает связь между трансформационными процессами и обращением к религии: «Мотивационная сфера, пробуждающая интерес к религии, формирующая стремление достичь религиозного статуса, как значимого в системе идентичностей, [...] связана с экзистенциальным кризисом, который наступил синхронно с процессами социальных изменений. [...] Человеческое сознание [...] так устроено, что не терпит пустоты, и вот они заполняют эту пустоту, т.е. ищут ответы на мировоззренческие вопросы в религии»².

В таких условиях, недовольство и радикализация значительных слоев населения неизбежны. В подобном контексте конфессиональная принадлежность имеет вторичное значение. На первое место выходят нерешенные вопросы и недостатки, которые мотивируют и мобилизуют население. Если оно плюралистическое с исламским большинством, тогда поиск выхода из критической ситуации на первом этапе протеста может принимать религиозные формы, которые на следующих этапах могут осложниться политическими выступлениями. Более того – и это с точки зрения истории не новое явление – может взять верх социальная логика, согласно которой на первый план выходят такие религиозные представители, чей

¹ Slavoi Žižek. Ärger im Paradies, Vom Ende der Geschichte zum Endedes Kapitalismus (Беда в раю, от конца истории к концу капитализма). Fischer Taschenbuch, Frankfurt am Main, September 2016, S. 17.

² Булова Е. С. 42–43.

«интерес в начале еще более тесно связан с общими интересами всех других, ещё *не* господствующих классов. [...] Поэтому их победа приносит пользу многим из остальных не господствующих классов, *но только в той мере* (курсив наш. – А.З.), в которой они позволят этим лицам подняться в правящий класс»¹. Если абсолютное большинство населения будет считать ислам, помимо религиозной, также своей мировоззренческой, политической и *организационной* родиной, тогда исламский фактор словно «эмансипирует» свой рейтинг и из вторичного становится первичным.

В результате, для обеих сторон – светской и исламской – возникает весьма сложная ситуация: по существу сталкиваются взаимоисключающие парадигмы социальной власти. С одной стороны светская, со своей специфической советской концепцией отделения религии от государства. С другой – исламская, стремящаяся к исламскому государству, халифату. Хотя в этом отношении, как показывает наш центральноазиатский опыт, нужно обратить внимание на определенную дифференциацию между реформаторскими исламскими представителями и экстремистскими. Последние отрицают секуляризм как таковой. Реформаторы, как будет показано позже, готовы сосуществовать с секуляризмом и светским государством при определенных условиях, но выступают против отделения религии от государства.

II.1.5 Оценка

Перед тем как перейти к более подробному анализу истоков и причин радикализации, можно сделать следующий вывод: масштабность вызовов, связанных с проблематикой религиозной радикализации и ее гражданского предупреждения, огромна. Она не позволяет питать иллюзию, что с ее требованиями можно успешно справиться при помощи борьбы с терроризмом. На самом деле на карту поставлен вопрос – какая общественно-политическая ориентация будет преобладать в регионе? Кроме того, не исключено, что вокруг ориентировочного вопроса могут разразиться кровавые конфликты.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая Идеология*. Берлин, 1932. Глава первая. С. 37 (Перевод с немецкого).

Гипотетически можно сформулировать, что первое предварительное решение уже принято: абсолютное большинство граждан выбрало ислам своей религиозной родиной. Ислам сформировал их историю, социальную организацию и ценностную, нормативную структуру. Поэтому такой выбор имеет свою внутреннюю логику. И как раз этим пользуются салафитские силы в своих стремлениях сакрализировать политический строй молодых, еще не полностью консолидированных государств. При этом они стараются поставить светское государство в оборонительную позицию, и не исключено, что они могли бы преуспеть. Им помогает тот факт, что политическому руководству не удастся спроектировать концепцию, которая бы соответствовала современным потребностям и возможностям сохранения и развертывания религиозной жизни своих граждан. Начать такую инициативу можно было бы сразу же, потому что ей не мешают никакие объективные преграды. Реформаторская исламская сфера ждет подобного сигнала.

III. Истоки радикализации и риски

III.1. Социоэкономическое обеднение и социо-психологическое напряжение¹

Настоящий масштаб радикализации весьма трудно определить. В ее основе не лежит один фактор, имеющий один исток, а смешиваются разные социальные, политические, социоэкономические, религиозные и исторические причины. В этой связи учёт характера противоречий в политической системе² имеет важное значение. Это дает возможность ответить на вопрос, насколько возможно их урегулировать мирным путем, на основе консенсуса, или они являются антагонистическими.

Относительно причин радикализации таджикский социолог Саодат Олимова на основе многочисленных общественных опросов пришла к следующим заключениям, которые, по ее оценке, можно применить к ситуации в Центральной Азии: «Основными причинами

¹ Международный банк реконструкции и развития в 2014 г. опубликовал данные о постоянном росте бедности в Центральной Азии. Под бедностью банк понимает «уровень дохода на душу населения, необходимый для удовлетворения таких основных потребностей человека как образование, здравоохранение и доступ к информации и уровень дохода, опускаясь ниже которого, население региона становится уязвимым для бедности». По расчетам банка, с разрушением СССР бедность (уровень дохода ниже 4,30\$ в день) в Центральной Азии превратилась в постоянный общественный груз. Только в течение первого периода трансформации (1990–1999 гг.) 20 млн жителей региона попали в разряд бедных. Еще в 2011 70% жителей Кыргызстана жили менее чем на 4,30\$ в день на душу населения. 25% имели доходы на уровне 2,15\$ в день. В Таджикистане, соответственно – 79 и 31%. Только в Казахстане удалось в 2005 г. упразднить абсолютную бедность 50% населения, хотя в 2014 г. дневной доход в 5,40\$ всё ещё имело 30% населения.

² Под термином «политическая система» понимается синтез трех аспектов: «*политическое сообщество*» («члены политической системы и присущая ей ценностная ориентация»), «*политический режим*» («основная структура правящей системы» [например, парламентская, президентская]) и «*носители господства*» («конкретные обладатели правящей власти и авторитетных ролей»). Этот термин употребляется в научной дисциплине «Политическое исследование культуры» (на немецком языке: «*politische Kulturforschung*»). Она является субдисциплиной исследования трансформационных процессов, прежде всего отношения граждан к их политической системе, ее элементам и стабильности. Причем «гражданин» понимается не только как политический субъект (т.е. как носитель ценностной ориентации и основных убеждений), но и относительно его социального влияния в системе в целом и на нее. (Пикель С., Пикель Г. Политическое исследование Культуры и Демократий. Wiesbaden, 2006. S. 16.

радикализации следует признать поиски справедливости в условиях растущего неравенства, блокировка социальных лифтов, прессинг государства и особенно неудачная и недальновидная репрессивная государственная религиозная политика. [...] Есть заметный рост недовольства, связанный с ухудшением социально-экономической ситуации в странах региона и соответственно – усилением социального напряжения. Пока что мирный настрой центральноазиатских обществ, традиционный либерализм среднеазиатского ханафизма сдерживает распространения радикальных идей»¹.

Связь социальной неудовлетворенности и роста религиозных (то есть исламских) ценностей быстро растёт. В такой ситуации имеет значение субъективное восприятие противоречий и их перевод на язык, который близок большинству населения, преимущественно уязвимым слоям: «Решающим фактором радикализации прежде всего “уязвимых” лиц являются имеющиеся у них социальные сети (окружение), включающие семью, друзей и родственников. При этом основными факторами, способствующими радикализации, ведущей к насилию, вырисовываются: вопросы идентичности и ее сохранения; отчуждение и маргинализация; социальное неравенство и отчаяние из-за отсутствия перспектив; низкий уровень жизни отдельных слоев населения; дискриминация и унижение, в сочетании с моральным негодованием и чувством мести; низкая грамотность населения (в том числе – религиозная); коррупция; недовольство политической ситуацией. Обобщая, можно сказать, что элементы основных причин, приведших к “арабской весне” (бедность, нарастающая имущественная поляризация обществ, безработица, коррупция, социальная несправедливость, nepотизм, отсутствие перспектив) наблюдаются и в государствах Центральной Азии»².

¹ Олимова С. Угроза радикализации в странах Центральной Азии: Социальное измерение (на примере Республики Таджикистан), Декабрь 27, 2015. URL: <http://caa-network.org/archives/6384>. См. также: Музаффар Олимов, Шафкат Сахибов. Молодежь Центральной Азии. Таджикистан (на основе социологического опроса, Friedrich Ebert Stiftung. Алматы, 2017).

² Каримов Б. Промышленная политика в Центральной Азии: мифы и реальность – или зачем она нужна?. Central Asian Analytical Network, Апрель 20, 2016. URL: <https://caa-network.org/archives/6977>.

Эти оценки обращают внимание на определенное социопсихологическое настроение, рассеянное среди масс. Это еще не ведет напрямую к радикализму или экстремизму, однако, не уменьшает опасности подобной тенденции. Саодат Олимова подробно проанализировала эту болезненную ситуацию: «...в Душанбе рядовыми салафитами становятся те, кто недоволен низким уровнем доходов и невозможностью выстроить карьеру, так как в столице наиболее высок разрыв в доходах и возможностях, т.е. неравенства и несправедливости. Салафитов поддерживает младшее поколение правящей элиты, а также сотрудники государственных органов, контролирующих религиозную жизнь – Комитет по делам религии, Исламский центр и подконтрольный им Шурои уламо. Другой группой социальной поддержки салафитов являются таджикские рабочие-мигранты»¹. Обобщая свои исследования, Олимова заключает:

«В случае возникновения угроз исламу 66% (опрошенных. – А.З.) могли бы выйти на мирные демонстрации, 12% – напасть на солдат, прибывших из стран, угрожающих исламу, более 3% – напасть на туристов из стран, угрожающих исламу, 6% готовы применить насилие к обычным гражданам. Таким образом, таджикское общество предпочитает мирные методы защиты ислама, хотя более 20% готовы применить насилие. В то же время дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации может вызвать рост оппозиционных настроений и появление протестных движений, которые могут приобрести религиозную окраску. *Триггером² такого развития событий может стать чрезмерное ужесточение государственного контроля над исламом*»³.

В связи с социально-экономическими проблемами населения нельзя терять из виду, что в их основе преимущественно лежат дефицит и ошибки трансформации в области экономики, приватизации собственности и изменения характера занятости. В целом по региону доля промышленности в структуре ВВП стран сократилась драматически: с 30–50 до 15–20%. Структура эконо-

¹ Олимова С. Там же.

² Курсив наш.

³ Там же.

мик стран Центральной Азии изменилась в основном в сторону сырьевой и сервисной направленности. Экономика становилась все менее диверсифицированной. Особенно резким оказался спад и деградация промышленности в Кыргызстане и Таджикистане. В результате быстрой и часто неразумной приватизации многие предприятия были перепрофилированы, переделаны под склады или сменили профиль в связи с неконкурентоспособностью продукции. Тысячи образованных специалистов оказались на улице или уехали в эмиграцию¹.

Связь между обнищанием и радикализацией обычно не является прямой. Недовольство обнищанием чаще всего превращается в насилие в контексте других причин радикализации. Опыт Центральной Азии показывает, что пострадавшие от обнищания «научились» жить со своей бедностью. Этому также содействуют изменения в структуре занятости в результате экономической трансформации. «На смену умирающему промышленному производству повсеместно приходили мелкие торговцы и представители сферы услуг. Занятость в сельскохозяйственной сфере росла, однако рос и избыток рабочих рук, что вело к вытеснению части сельскохозяйственного населения в города, где оно не могло найти стабильного заработка. Эти процессы имели своим следствием маргинализацию населения, что в условиях высокой рождаемости прежде всего ударило по молодежи. Хлынувшее в города избыточное сельское население принесло с собой систему привычных для него отношений. Вчерашние жители деревни способствовали тому, что непрофессионализм, отсутствие городской культуры привели к рурализации жизни в Таджикистане и Киргизии. При этом значительная часть сельской молодежи не может найти себе работу².

¹ Там же.

² Гусейнов В., Демиденко С. Проблемы религиозного радикализма. Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. Институт стратегических оценок и анализа. М., 2010. URL: http://www.isoa.ru/docs/central_asia-book. Примечание: В данный момент сельское население в целом преобладает в демографически прогрессирующих странах региона. По прогнозам, к 2025 г. в Узбекистане, например, жить в сельской местности будут 22 миллиона из 33-миллионного населения. Городской уклад не мог не сохранять «родимых пятен» традиционной крестьянской ментальности с ее приверженностью к земляческому, родовым, семейным формам группирования и общественной самоорганизации,

То, что сложная социально-экономическая ситуация не ведет к организованному сопротивлению, связано также с почти полным отсутствием на политической сцене Центральной Азии влиятельных социалистических и левых движений, партий и профсоюзов, которые были бы достаточно сильными, чтобы выразить неудовлетворенность населения, выдвинуть альтернативы для социальной жизни, вести борьбу за социальную справедливость. Слабость политических партий связана с тем, что чаще всего они базируются на отношениях клиентелы, причем в регионе, где долгое время существовала одна партия – коммунистическая. В идеологическом спектре по существу остался только ислам, отличающийся сегодня общенациональной притягательностью. В результате весь человеческий потенциал политической энергии, свойственный социальному вопросу, превращается в стратегический запас политического ислама.

Таким образом, болезненное социально-психологическое настроение может привести к выводу: «терять уж больше нечего». Как выразился один казахстанский эксперт: «настоящие диссиденты сегодня – это не сторонники оппозиции, а люди, готовые выйти на площадь, чтобы защищать свои права, а не выступать в поддержку какой-то партии или политической платформы. Велика вероятность событий, которые будут происходить независимо и от оппозиции, и от власти. Имеются в виду стихийные выступления населения».

III.2 Религиозная политика

С точки зрения стратегической важности политического предупреждения исламистского радикализма, вопросы религиозной политики и отношения с исламскими верующими заслуживают особого внимания. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в наших беседах эти вопросы занимают видное место. Они, по-видимому, являются ключевыми для гражданско-политической профилактики. Одновременно они имеют принципиальное значение для перспективы формирования светско-исламских отношений в направлении в процессе чего выкристаллизовывались клановые образования. Р. Агаев. ЦАР: проблемы эволюции политических систем. Институт стратегических оценок и анализа. М., 2010. URL: http://www.isoa.ru/docs/central_asia-book.pdf.

мирного сосуществования и сотрудничества. Поэтому не следует отделять анализ религиозной политики от доктрины светскости и отношения между государством и религией. Ведь религиозная политика – это не более и не менее, чем претворение в жизнь соответствия светской государственной доктрины и исламских позиций.

Это делает религиозную политику *приоритетным структурным фактором* региона, в первую очередь для Таджикистана и Узбекистана, но и для остальных стран. Нерешенная проблематика светско-исламского сосуществования до сих пор чревата внутренними конфликтами. Они вспыхнули сразу же после обретения независимости и впервые вылились в гражданскую войну в Таджикистане (1992–1997 гг.), где продолжали тлеть в постконфликтный период и возродились в последнее время, несмотря на то, что фундаментальный мирный политический опыт и знания, полученные из периода умиротворения, были якобы усвоены и закреплены.

Другими словами, широкое поле религиозной политики имеет фундаментальное значение. С одной стороны, как источник радикализации и – с другой стороны, как важнейший превентивный ресурс. Оно является центральной точкой в деле обеспечения свободы вероисповедания, прав человека, позиционирования граждан и светского государственного руководства по отношению друг к другу в политической системе, и, наконец, для обеспечения сосуществования между религией и политикой – не только на государственном уровне, но, самое главное, в сознании граждан, как верующих, так и атеистов.

Наши исследования позволяют сделать заключение, что существующее административное государственное регулирование религиозной сферы является серьезным структурным истоком радикализации. По международному индексированию уровня ограничения свободы вероисповедания три государства Центральной Азии из пяти находятся в верхней части рейтинга¹. Одновременно это указывает на то, что в религиозной политике имеется определенная градация. В этом отношении вырисовыва-

¹ Trends in global restrictions on religion. URL: www.pewresearch.org.

ются два направления – Казахстан и Кыргызстан с более или менее либеральным отношением к исламской сфере, и Таджикистан и Узбекистан, в которых практически не проводится грань между исламской политической активностью и терроризмом.

Относительно кыргызстанского и казахстанского направлений исламские собеседники также оценили государственную политику как «сравнительно» либеральную. Однако, как и в других странах ЦА, руководство этих государств пытается управлять процессами в области религии в основном административно-бюрократическими средствами и мерами. Первоочередное внимание оно уделяет военным мерам и политике безопасности. Далее наши собеседники подчеркнули, что правительства далеко не исчерпывают демократический потенциал, присущий секуляризму, для того, чтобы построить демократические отношения с религиозной сферой, позволяющие избегать конфликтов. Исламские собеседники, со своей стороны, открыто выразили готовность к мирному сосуществованию и сотрудничеству в светских конституционных рамках и имеют в этом отношении свои конкретные представления. Один из видных исламских интеллектуалов предлагал «государству внимательно прислушиваться к тем сигналам, которые подает община и идти ей навстречу. Перед самой общиной сейчас остро стоит вопрос, видит ли государство в исламе партнера и союзника, либо рассматривает его как соперника, угрозу?» Например, в контексте более либеральных начал демократической направленностью отличается «Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы». В ней говорится о том, что правительство стремится «создать модель светского демократического государства с преобладающим мусульманским населением», «сохранять нейтральность в отношении религиозных организаций», «повышать уровень сотрудничества государственных органов и гражданского общества, прежде всего религиозных организаций и объединений», «предотвратить конфликты на религиозной почве и принимать меры для их разрешения» и др¹.

¹ Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы. Бишкек, 2017. С. 36–39.

В Таджикистане, а также Узбекистане, любая исламская активность, тем более насильственные действия, воспринимаются как угроза существующему режиму. Здесь следует отметить два фактора, влияющие на такой подход – общая граница с Афганистаном (главный источник терроризма в регионе) и, во-вторых, восприятие ислама, который исповедует большинство населения как угрозы устойчивости политической системы. К этому направлению принадлежит также Туркменистан. В последние годы Таджикистан полностью скопировал политику Узбекистана не только в области борьбы с терроризмом, но и в сфере ведения религиозной политики – подавление любой социальной активности мусульман, полный контроль в религиозной сфере, ограничения в религиозном образовании и другие сопутствующие меры. В последние годы в Таджикистане репрессивная политика еще усилилась. Ярким выражением этого стал запрет в 2015 г. Партии исламского возрождения (ПИВТ), которая прежде была звеном Объединенной Таджикской оппозиции (ОТО), считалась сторонницей мирных соглашений (1997 г.), окончивших гражданскую войну 1992–1997 гг. Таким образом, правительство де факто распрощалось с мирными соглашениями. В этой связи надо помнить, что создание совместной Комиссии по национальному примирению и легализации структур ОТО было одним из важнейших условий для согласия исламской оппозиции на выполнения мирных соглашений. Другим примером является закон, расширяющий нарушение свободы вероисповедания непосредственно в личной жизни семей¹.

¹ К подобным проблематичным мерам нужно также отнести закон № 7622 от августа 2011 г. Дети и подростки до 18 лет не допускаются в мечеть. Родители несут ответственность за соблюдение запрета, за нарушение которого положены значительные штрафы. Женщинам и девочкам также запрещено посещать мечети. Им разрешено совершать молитвы только в собственном доме. Ношение головных платков или другой одежды, которая может объясняться ссылкой на требования религии, в общественных учреждениях запрещается. Запрещено молиться в общественных местах, в органах государственной власти, вооруженных силах, полиции, учебных заведениях, компаниях, в деревнях, даже на полевых работах. Молитвенные обряды разрешены только в мечетях или в частных домах. Отменена личная свобода выбора проповедника по случаю похорон. Для этого допускаются только официально определенные имамы.

Несмотря на признание факта относительного религиозного либерализма в Казахстане и Кыргызстане, критические оценки участников проекта совпадали:

- Светским правительствам не хватает концепции по исламизации их обществ. Они не идут в ногу ни с массовым возрождением ислама, ни с его темпами и социальной широтой, ни с административными последствиями.
- Хотя правительства стремятся реагировать на исламский фундаментализм и радикализацию, они не находят продуктивных подходов. Их деятельность блокируется страхом перед религией, особенно исламом, в нем они видят потенциальную политическую конкуренцию. Они колеблются между неэффективным правовым регулированием, вмешательством в религиозные дела, ограничением религиозной свободы и репрессиями.
- Правительства предпочитают стратегию «секьюритизации» в качестве основного направления реакции на распространение ислама и радикализацию.
- Критика в адрес этой стратегии была направлена на следующие конкретные недостатки:
- Государство решает проблемы религии, не обладая необходимыми религиозными компетенциями;
- Государство подрывает свои отношения с исламским духовенством, элитами и общинами;
- С точки зрения политики безопасности государство затрагивает только экстремистские и джихадистские маргинальные группы, и то только в ограниченной мере. Оно не достигает глубины общества, где кроется настоящая целевая группа салафизма;
- «Секьюритизация» ислама неуместна в качестве превентивной меры против религиозной радикализации, поскольку она не соединяет государство и «молодые» религиозные массы в борьбе с общим врагом. Последние не видят врага ни в исламе как таковом, ни даже в его радикальных представителях.

Собеседники также выразили мнение относительно востребованных от государства стратегических направлений действия:

- В первую очередь противодействовать религиозно-политической стратегии внешних исламистских тенденций. Исламскому радикализму можно только убедительно противодействовать на исламской основе, с исламскими аргументами и внутри исламского сообщества. Для этого государству придется найти надежных исламских партнеров;
- Государство должно стремиться к сотрудничеству с существующими и растущими исламскими элитами. До сих пор ни одна из сторон не уверена в намерениях другой стороны. Создание взаимного доверия имеет приоритетное значение;
- Государство должно стремиться к преодолению «вакуума» религиозных знаний и образования населения, сложившегося в советское время и в который арабские ваххабитские/ салафитские движения внедряются со своими интерпретациями ислама;
- Государство должно адаптировать свое светское мировоззрение к новым исламским условиям и вызовам. То же самое относится и к исламской стороне. Эту потребность обе стороны до сих пор недооценивают;
- Государство должно стремиться к балансу между исламской и «неисламской» частями общества;
- Государство должно разработать эффективную медийную стратегию против салафитской индоктринации, идущей из соседних государств.

В этом контексте следует подчеркнуть, что для создания доверия между светской стороной и исламскими представителями, последним нужно определиться по некоторым «деликатным» позициям, например:

- Найти компромиссы по категориям, которые противоречат исламскому пониманию национального государства и его светской регулятивной ориентации;
- Определить позицию в отношении верховенства закона и прав человека;

- Понять задачи современного светского государства с мусульманским большинством населения и определить надлежащие механизмы управления им;
- Понять, какие интересы объединяют религию со светским государством и в каких позициях они расходятся.

На эти вопросы нужно отвечать не тактически, а стратегически.

В целом, собеседник из исламской среды обобщил ситуацию следующими словами:

«Дать мусульманским общинам региона возможность оставаться у себя в стране путем последовательных шагов, как со стороны государства, так и со стороны мусульманской общины по поиску собственной роли в общественно-политической жизни страны. Это нелегкая задача и не во всех (центральноазиатских. – А.З.) странах она осуществима. Но полагаю, что у Кыргызстана и Казахстана есть шанс. Время упущено. Но эти две страны могут дать пример развития эволюционных процессов»¹.

III.3 «Сражение за умы» и гегемонию над исламизацией

Главная опасность исходит именно из религиозно-политической идеологии таких групп, цель которых состоит в отмене светской ориентации, в неофундаменталистской трансформации Центральноазиатского региона, превращении его в зону своего международного влияния.

Ощущается заметное влияние извне, в первую очередь, из монархий Персидского залива. Это влияние следует воспринимать серьезно в нескольких отношениях. Оно поддерживает исламистские геополитические устремления, дестабилизирует внутреннюю ситуацию центральноазиатских государств, где разворачивается открытое и скрытое «сражение за умы».

Центральная Азия стала международным полем столкновений нескольких исламских моделей. Конкурируют друг против друга салафитские партии, спонсируемые арабскими источниками, такими как «Хизбат-Тахрир» (Партия исламского освобождения),

¹ Усубалиев Э.Е., директор аналитического центра «Prudent Solutions», Бишкек.

Салафийя¹, а также «Таблиги Джамаат», продвигаемые из соседних государств. С другой стороны – центральноазиатская школа ханафитского мазхаба, признанная руководством государств и традиционно укоренившаяся в их обществах. Последнее направление, однако, находится в теологическом и духовном застое. Государство не выводит их из этой ситуации, не укрепляет позицию их богословов и имамов.

В этом контексте возникает чрезвычайно важный вопрос о гегемоне и гегемонии над процессом исламизации в Евразийском регионе. В вопросе о гегемоне и гегемонии пересекаются региональные и глобальные уровни «перетекания» радикальной исламистской идеологии в Центральную Азию. Глобальное измерение связано с идеологическим воздействием со стороны заинтересованных внешних сил, ставящих перед собой задачи глобального масштаба (таких, как Аль-Каида или ДАИШ). Т.е. региональное решение вопроса о гегемонии состоит в открытии ворот Центральной Азии с южного направления. Чрезвычайно важно подчеркнуть, что салафитская религиозная индоктринация «международного» происхождения выстраивается в первую очередь на почве *внутренних условий в ЦА*. Таким образом, основной объем политических предупредительных мер и «сражения за умы» происходит на общественной, региональной, трансрегиональной и евразийской арене.

Проникновение исламизма в Центральную Азию «гражданскими» методами является особенно опасным методом распространения салафизма. Он стремится мирными средствами «снизу» изменить

¹ Салафизм можно понимать как транснациональное, фундаменталистское и современное течение в суннитском исламе. Его последователи пропагандируют строгое возвращение личности к (предполагаемым) доктринам ранних лет ислама: обширное понимание единобожия, буквальное понимание Корана и Сунны и отказ от традиционных доисламских религиозных обрядов и обычаев. Ислам имеет уже 1400 лет истории. Салафизм можно рассматривать как современное направление, поскольку он ссылается на отдельные, избранные образцы истории ислама, но реагирует на современные политические события. Салафизм под влиянием репрессий против «Братьев-мусульман» в Египте и антисоветского сопротивления в Афганистане превратился в доминирующую в настоящее время форму джихадизма. Biene J. *Wider die Tilgung der Grauzone, Begriffliche Überlegungen zu Salafismus und Dschihadismus, Salafismus und Dschihadismus in Deutschland, Sicherheitspolitik*. Blog Fokus, 2016. S. 14–15.

религиозное направление исламизации. В первую очередь так называемые «неофундаменталистские» группы применяют именно такую тактику. Их конечной целью не обязательно является исламское «государство», а исламизация общества на теологической, исключительно реакционной основе¹. Оливье Рой, французский политолог-востоковед, эксперт и исламовед, характеризует неофундаменталистов как активистов, обращающихся к своим поклонникам с призывом: «Не заботьтесь об обществе, о любом обществе; не заботьтесь о культуре; не заботьтесь о политике; просто постарайтесь быть хорошими мусульманами и воссоздать истинное мусульманское сообщество»². По Рюю, они «особенно привлекательны для отчужденной молодежи, потому что он (неофундаментализм. – А.З.) превращает их культурное отчуждение в оправдание формирования универсального ислама, лишённого обычаев и традиций и, таким образом, приемлемого для всех обществ. Он обращается к хорошо образованным и разочарованным, предлагая систему регулирования поведения в любой ситуации»³. Таким образом, «гражданская» радикализация является более опасной, потому что с ней верующим, в первую очередь уязвимым, легче навязать идею исламизма, чем террористическими методами. Проникновение подобной стратегии в религиозно и социокультурно плюралистические общества может вызвать серьезные внутренние конфликты. Иными словами, неофундаментализм может в корне негативно изменить нынешний религиозно-политический ландшафт Центральной Азии.

¹ Важнейшей особенностью неофундаментализма является положение о том, что исламизация должна происходить снизу, а не сверху, со стороны государственного руководства. Это связано с тем, что исламское поведение должно входить в повседневную жизнь, особенно в отношении нравственных концепций и ритуальных правил. Запрещены алкоголь, азартные игры, наркотики, музыка, танцы, кино, кафе и т.д. Для этого создаются географические «исламские зоны», где действуют строгие ограничения. Еще один важный момент – роль женщин. Неофундаментализм запрещает женщинам работать самостоятельно, участвовать в выборах, отменяет совместное обучение в школе, призывает их сидеть дома.

² Olivier Roy Interview: Conversations with History; Institute of International Studies, UC Berkeley. URL: <http://globetrotter.berkeley.edu/people2/Roy/roy-con4.html>.

³ Interview with Olivier Roy, Columbia University Press. URL: <https://cup.columbia.edu/author-interviews/roy-globalized-islam>.

III.4 Фактор будущего – молодежь

Проведенный в ноябре 2015 г. во Владикавказе анализ исламистской агитации, в том числе со стороны ДАИШ, среди молодого поколения подчеркивает, что она привлекает в первую очередь в свои ряды лиц, родившихся после 1991 г. В исследовании делается вывод, что это поколение выросло в условиях отсутствия убедительной государственной идеологии, снижающегося уровня образования, разрыва социальных связей и семей, безработицы, денег, возможностей социального развития, перспективы и самовыражения.

Отсюда становится ясным, почему именно молодые люди предпочтительно относятся к исламистской индоктринации. Население центральноазиатских государств становится все моложе. Каждый год оно растет в среднем на 1,7%; поэтому сейчас 30% жителей региона – дети и подростки моложе пятнадцати лет. В результате особенно острой становится проблема молодежной безработицы, которая оценивается в центральноазиатских государствах, за исключением Казахстана, в более чем 20%. Одна четверть казахского населения родилась после 1991 г. Дети до четырнадцати лет и молодые люди 15–29 лет составляют в Казахстане от 28 до 33% социально исключенной части населения, а в Таджикистане 73 или 72%¹. Доля детей в семьях с доходом в размере менее чем 2,5\$ в день и на душу населения составляла в 2005 г. в Кыргызстане 90%, в Узбекистане – 80% и в Таджикистане – 75%. Доля 15–29-летних среди 1,5 млн таджикских рабочих-мигрантов составляет 53%². Возраст 83,6% безработных в таджикском сельском хозяйстве менее 40 лет³. Это поколение относится к лучшему возрасту мужчин и женщин. Таким образом, *причины* конфликтной предрасположенности достигли транснациональных масштабов. Это значит, что умелая исламистская контрстратегия смогла бы превратить ислам из своего настоящего религиозного назначения

¹ UNDP Regional Human Development Report.

² Umarov Ch. Krisis v Tadžikistane. Duschanbe, 2010. С. 217.

³ UNDP. P. 218.

в транснациональную и трансрегиональную идеологию антисветской, фундаменталистской интеграции.

III.5. Субъективный фактор и политическое предупреждение

Наши исследования показали, что как глубинные истоки, так и конкретные причины, вызывающие недовольство, ведущее к радикализации, только нарастают и остаются нерешенными на субъективном уровне. В этой связи, с точки зрения стратегической важности политического предупреждения, вопросы религиозной политики и отношения с исламскими кругами заслуживают особого внимания. В наших беседах с исламскими коллегами эти вопросы заняли важное место. По-видимому, они являются ключевыми для гражданско-политической профилактики.

Данное исследование констатирует острую необходимость выдвижения именно вопроса политического предупреждения радикализации на первый план в политическом поле действий. На этом фоне светским и исламским сторонам предлагается раздвинуть занавес существующей между ними «дилеммы недоверия». Суть её состоит прежде всего в том, что светская сторона опасается, что если какая-либо исламская группировка придет к власти демократическим парламентским путем, она попытается создать теократическое государство. Опасения представителей ислама сводятся к неуверенности в том, гарантирует ли им светская власть равноправие в собственном национальном государстве. Те же самые опасения существуют также в отношении евразийского пространства и соответствующих организаций, таких как ОБСЕ.

IV. Превентивные социальные ресурсы

IV.1 Гендер и гражданское предупреждение

Наши исследования позволяют сделать вывод, что вопросы гендера недостаточно учтены превентивными стратегиями – ни относительно предотвращения радикализации религиозной сферы, ни относительно отражения чуждой, внешней так называемой «гражданской исламизации» общества «снизу».

Более того, огромное значение гендерной проблематики в целом и для формирования современных государств в Центральной Азии в частности, не позволяет оценить ее превентивный потенциал отдельно от положения женщин в конкретных странах и его изменения за годы национальной независимости. Это не означает, что данное исследование предусматривает анализ этих нарративов. Однако, так как успех и практическая ценность гражданского предупреждения зависит от мобилизации главным образом внутренних потенциалов общества, то женское население выделяется своим первостепенным значением. Во-первых, оно является той частью населения, которая больше всего проигрывает от салафитских женоненавистнических догм. Во-вторых, оно имеет свои достижения в сфере эмансипации – к примеру, в сфере равенства перед законом, образования, религии и т.п. Многие женщины готовы защищать эти завоевания даже, как мы увидим позже, внутри религиозных структур, что может сделать их влиятельной демократической силой. В-третьих, именно эта часть общества оказывает наибольшее влияние на общественный базис – семью, детей, разрешение споров и многое другое. В-четвертых, она могла бы стать той общественной силой, которая противодействует, пока что гипотетическому, сближению местных патримониальных родоплеменных структур, включая господствующие классы¹, с идеологией салафитов на основе традиционных патриархальных общностей.

¹ «Представители традиционного ислама играют весьма важную роль на первой ступени власти. [...] в условиях сел и мелких городов, где проживают 80% населения [...], практически во всех более или менее важных событиях муллы и наставники мечетей имеют значительную функцию» (Усмонов. С. 60).

Ряд исследований по гендерной ситуации последнего времени пришли к заключению, что «нынешнее возрождение гендерных нарративов» стремится ограничить женщин, свести их жизнь к «их естественной роли материнства». Далее, «все исследования сходятся в том, что условия для женщин ухудшились по сравнению с советскими временами. Шаткая экономическая ситуация сопровождается общим возрождением нарративов о консервативных гендерных ролях, воплощенных в “культе хозяйственности”. [...] Трансформационные процессы повлекли за собой изменение патриархальной иерархии в Центральной Азии, понимаемой как двойное доминирование мужчин над женщинами и более старых над более молодыми в различных социальных сферах: в семье, экономической деятельности и политических институтах»¹.

Другое исследование «Ислам и нормы кыргызского общества» указывает на следующий феномен. В общественном дискурсе об исламе среди молодых женщин «важно увидеть его феминистскую повестку и запрос на социальную справедливость, на которые сегодня в обществе сформировался дефицит»: «Некоторые группы женщин обращаются к религии как к способу интегрироваться в патриархальное общество, другие участницы исследования используют ислам для своей защиты от патриархального общества. [...] Они несут в себе критику существующих устоев и создают дискурс сопротивления. Они критикуют кыргызские семьи за то, что те превращают невесток в рабынь, лишают их голоса и пренебрегают их нуждами. [...] Они изучают хадисы, которые возвышают роль женщин в обществе, и даже открывают неформальные кружки, где распространяют эту эмансипирующую информацию среди сверстниц»².

Наши встречи и интервью открывали следующую картину:

Гендерные вопросы играют особую роль как в радикализации населения, так и в ее предотвращении. Даже если судить

¹ Клезю Жюльет и Диренбергер Люсия. Гендер и нация в постсоветской Центральной Азии: от национальных нарративов к женским практикам. Nationalities Papers, CAA-Network. Август 26, 2016. URL: <https://caa-network.org/archives/7509>.

² Доолоткельдиева Асель. Ислам и нормы кыргызского общества – настолько ли они противоречат друг другу?, Central Asian Analytical Network, Март 27, 2017. URL: <https://caa-network.org/archives/8672>.

с мусульманских позиций, сегодня имеет место тенденция дискриминации женщин в современной религиозной жизни, особенно в области религиозного образования и активного участия женщин и девочек в религиозной деятельности на всех уровнях общества.

Это может привести к уязвимости перед исламистскими радикальными течениями, применяющими тонкий гендерный подход в своей вербовке. Они используют социальные сети, личное общение и финансовую помощь, основываясь на точном знании условий жизни и социальных проблем. Особенно это касается молодых незамужних женщин, которые в определенной степени изолированы или ограничены в свободном общении, и поэтому легко попадают на уловки, убеждающие их в браках с боевиками ДАИШ. Им обещают относиться как к равным, как к полноправным борцам за исламские ценности, что привлекает молодых женщин, стремящихся к более активной роли в обществе¹.

☑ *Стремлением в первую очередь образованных женщин к большему гендерному равенству в религиозной сфере.* Из уст женских мусульманских активисток НПО прозвучали ожидания в адрес правительства усилить меры, которые бы обеспечили:

- равное и формализованное участие женщин на разных уровнях религиозной жизни;
- защищенность прав девочек и женщин на получение необходимой информации и помощи в религиозных учреждениях;
- повышение количества женских религиозных лидеров, качества их религиозного образования.

Недооценка вклада верующих женщин в общественное развитие.

«Женщины делают существенный вклад на разных уровнях и через различные формы деятельности в общее религиозное дело, но их труд, усилия и достижения не получают должной оценки»

¹ Меморандум о профилактике религиозного радикализма в Центральной Азии, «Ответственность государства и религий за гражданский мир». Алматы, 24.10.2017. С. 3.

и поддержки. А порой остается незамеченной и несущественной. Это, в свою очередь, ведет к зарождению и усилению перманентного чувства обиды и несправедливости среди верующих женщин»¹.

☑ *Требование целенаправленной профилактики радикализации среди социально уязвимых групп женского населения*²:

- **Неопределившиеся молодые девушки или девочки**, подверженные социальной депрессии и дезорганизации, у которых отсутствуют ценностные ориентиры. Данная категория женщин и девушек легко подвергается влиянию радикальных групп и становится инструментом в руках вербовщиков.
- **Сочувствующие и помогающие радикальным группам.**
Сочувствующие и помогающие радикальным группам; оказывающие материальную и моральную поддержку воюющим «муджахедам».
Отсюда вытекают их практические действия: вербовка, отправка одиноких женщин и жен боевиков.
- **Религиозные активистки.** Из данной категории формируются закрытые недоступные группы, которые считают, что наше общество живет в период джахилии (невежества).
- **Малограмотные женщины и девочки.** Они больше доверяют религиозным «женщинам-лидерам». Лидеры стали для них более значимыми, и они стараются применять в своей жизни все их советы и послылы. Нужна помощь этим женщинам в улучшении их жизни, правовой грамотности, самозащиты и самоопределения.

Что касается конкретных материальных условий работы женских НПО, то осталось впечатление, что существуют несколько женских организаций, которые занимаются не только предотвращением радикализации и дерадикализацией. Они работают в основном без соответствующей подготовки в этой области и имеют недостаточную

¹ Высказывание мусульманской собеседницы.

² Последующие предложения поступали от НПО исламских женщин Кыргызстана.

поддержку со стороны соответствующего государства. Проекты в основном поддерживаются международными организациями, и по большей части ограничены сроком в 1–2 года.

«В целом во всех республиках Центральной Азии ислам занимает наступательную позицию по внедрению своих гендерных норм и ценностей, несмотря на массовое активное женское движение, ориентированное на демократическую модель развития гендерных отношений»¹.

IV.2 Социокультурный плюрализм

«Рассуждать на основе логики мышления мусульманина и одновременно светского национального образования» – так выразился исламский собеседник, который не хотел, чтобы его назвали «исламским интеллектуалом». В своем предложении он раскрыл самый важный источник превентивного и объединяющего общественного потенциала: социокультурный плюрализм центральноазиатских обществ. В нем сливаются традиционно исламская нормативная структура² и десятилетия советского периода. По существу, нынешние поколения прошли «двойную» социализацию – светскую, но социокультурно ассоциированную с исламскими нормами жизни. Возникли поколения мусульман «нового типа» – исламо-светского. Это уникальный социально-политический феномен и завоевание в религиозной традиции исламского мира и Евразии. Этот феномен *доказывает*, что в Центральной Азии мусульманские структуры и светская власть сосуществовали, хотя не без конфликтов. Секрет этого сосуществования, несмотря на конфликты, состоит главным образом в повышении

¹ Осмонова Д. А. Особенности противоречий и взаимодействия гендера и религии в современной Центральной Азии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 11–1. С. 170–174; URL: <http://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=12471>.

² Понятие «структура» охватывает результаты эволюционных процессов в природе и обществе, достигающие «определенную относительную устойчивость». Сама структура инвариантна. Она движется и трансформируется только тогда, когда достигает определенных внешних пределов или из-за внутренних противоречий. В своем антропологическом варианте структура приобретает относительную устойчивость относительно определенных родственных отношений (Словарь марксистской социологии. Берлин, 1983. С. 646–647.

уровня образованности прежде отсталого феодального общества, развитие науки, искусства, культуры¹ советской светской властью. Но дело не только в сосуществовании, но и в социокультурной совокупности сегодняшнего общественного организма: Иброхим Усмонов, бывший участник таджикских мирных переговоров и государственный советник Президента Таджикистана считает, что в «установлении прочных связей между *ведущими социальными группами* в условиях Таджикистана большое значение имеет ислам – основная религия населения республики. Государство не может отделять себя от религии, так как религия является одной из составляющих мышления каждого члена общества. [...] Эта религия имеет невострбованное значение в установлении политических взаимоотношений. [...] Народ, граждане придерживаются обоих принципов – верят и поддерживают религию, придерживаются ее канонов, поддерживают независимость государства. [...] Ислам в условиях региона, в ментальности народа является не только религией, но и национальным чувством. [...] Это происходит независимо от того, является ли ислам религией государства или нет, так как влиянию ислама подвержены все слои общества, начиная от простого рабочего, кончая вышестоящими чинами государства»².

Этот феномен также скрывает в себе потенциал современного развития мусульманского общества, отличающийся от традиционных исламских стран – потенциал отказа от фундаментализма и догматизма, а также возможности для того, чтобы светские граждане обращались к своим религиозным согражданам и вместе выработали взаимопонимание.

Изначально кажется, что подобная социокультурная *уникальность* недостаточно высоко оценивается ни в принципиальном отношении, ни с точки зрения ее продуктивных превентивных ресурсов. Самое главное состоит в том, чтобы использовать жиз-

¹ Олимов К. Диалектика светского и религиозного мировоззрений в условиях построения национального государства Построение доверия. С. 68.

² Усмонов И. Применение принципа отделения религии от государства в условиях таджикского государства. Там же. С. 55, 56, 58. Примечание: В 2004 г., когда Иброхим Усмонов опубликовал цитируемую статью, он был государственным советником Президента Таджикистана.

ненный опыт светского и мусульманского населения. С одной стороны, большая его часть считает себя мусульманами, с другой стороны, из них примерно три поколения знакомы с современными светскими жизненными ценностями и образом жизни. В результате, в Евразии между исламским миром и светской Европой возник своеобразный трансцендентный, светско–религиозный, основанный на исламских ценностях мост.

Из центральноазиатских мусульман только 12% поддерживают шариат как официальное право; только 28% поддерживают политическую роль религиозных лидеров; 71% не видят противоречия между исламом и современным миром; 70% поддерживают право женщин на развод, 73% – за свободу выбора. Теракты-самоубийства в Кыргызстане осуждают 82%, в Таджикистане – 85% и в Казахстане – 95% опрошенных. При этом 92% процента хотят полной религиозной свободы¹.

Выше представленный спор о гегемоне и гегемонии над процессами исламизации решается именно в такой социокультурной среде. Нельзя забывать, что пока ещё светско-исламские «генетические часы», память и опыт общества являются реальными общественными силами. Социокультурная «транзитная» ситуация между либеральной культурной жизнью и крайне реакционными истолкованиями шариата создают для населения и государств Центральной Азии уникальную ситуацию – миллионы молодых мусульман перемещаются между светским и исламским. То, что они мусульмане, ещё не означает, что *секуляризм* стал призывом к битве. Исходя из этого, современные исламские реформаторские мыслители видят в поощрении *социокультурного плюрализма в исламе* (в Центральной Азии.– А.З.) выход из его стагнации: «Поддержка мультикультурализма в исламе Центральной Азии может стать одной из основ превентивных мер против радикализации на основе джихадистского интернационала. [...] Отрыв от национальных и культурных корней молодого поколения способствует идеологической обработке в сторону такфиризма, как феномен успешности этой идеологии в период глобализации.

¹ Pew Research Center. Washington, The World's Muslims: Religion, Politics and Society, APRIL 30, 2013. URL: <http://www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-overview>.

В этой связи, поддержка национальных общин, включая культурные корни основного этноса, является одним из элементов превентивных мер в борьбе с радикализацией. При этом следует избегать формулировок “национальный ислам”, это неверный путь и путь конфликта. Формулировка “культурное многообразие ислама” – основа стабильного развития мусульманской общины. [...] Мы с вами понимаем, что это все не новое и все это в разных этапах времени использовала советская власть. Но в этом нет ничего плохого, мы стремимся к тому, чтобы противостоять джихадистскому интернационалу без границ и национальностей. В противоположность этому мы противопоставляем подход – религиозное и культурное многообразие – основа ислама и его главный подход в том, чтобы он не стирал эти различия, а они обогащают исламскую цивилизацию в целом»¹.

«Рассуждать на основе логики мышления мусульманина и одновременно светского национального образования» – Что делает эту социокультурную особенность превентивным ресурсом? «Двойное» светско-исламское сознание нынешних поколений, в первую очередь молодого поколения и людей среднего возраста, может иметь решающее значение относительно личного выбора: следовать глубоко консервативной религиозной ориентации или разработать свой собственный путь национальной современности. «Стоя перед выбором между религиозными принципами и традициями, зачастую люди выбирают срединную позицию, которая позволяет одновременно сохранить окружение и не совершить серьезного нарушения по Корану [...] Если распознать эту тесную связь между исламом и социально-экономическими процессами и не создавать ложные угрозы, то это поможет нам, как обществу, начать мирный и конструктивный диалог о роли религии в современном обществе»².

¹ Беседа автора с доктором Есеном Усубалиевым, директором аналитического центра «Prudent Solutions», Бишкек.

² Осмонова Д. А. Указ. соч.

IV.3 Ханафия – традиционный мазхаб Центральной Азии

Ханафитский мазхаб является доминирующим в регионе и единственным мазхабом, не принадлежащим арабам. Сунниты Ирака, Пакистана и Средней Азии исповедуют ханафитский мазхаб. При этом богословское и светское позиционирование и суждения ханафитского мазхаба, которые высоко ценятся в исламском мире, тем не менее встречают противодействие среди некоторых других правовых школ. Поэтому радикальные проповедники извне пытаются навязать свою трактовку ислама мусульманам Центральной Азии.

Широкая общественность недостаточно знакома с исламскими священными текстами, богословскими дискурсами и традициями. Более того, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что ханафитский мазхаб представляет собой исламскую школу права в экономически слабом регионе и, следовательно, по сравнению со многими исламскими движениями из-за рубежа, она менее обеспечена материально.

Традиционные ханафитские центры теологии находятся в Бухаре и Ташкенте, расположенными в современном Узбекистане. Поскольку пять центральноазиатских государств независимы, ханафитский мазхаб внутренне разделен новыми государственными границами. В этих государствах были созданы собственные ханафитские духовные структуры. Молодежь и священнослужители, желающие получить религиозное образование или повысить свою квалификацию, перестали ездить для обучения в Узбекистан и стали все больше отдавать предпочтение религиозным образовательным учреждениям, функционирующим на Ближнем Востоке.

Центральноазиатские правительства воспринимают ханафитский мазхаб как религию, которая является относительно не политизированной и не враждебной по отношению к государству. Отношения между ханафитским исламом и государственными учреждениями, тем не менее, неоднозначны: хотя, с одной стороны, светские правительства рассматривают его как традиционную религию, с другой стороны, они пытаются управлять религиозными делами¹.

¹ Алматинский Меморандум.

IV.4 Обобщение

В качестве обобщения цитируем следующие оценки собеседников: «Представленные процессы не контролируются государством. Подпольный идеологический процесс представлен партией Хизб ут-Тахрир и группами салафитов. Единственное, что объединяет эти движения, – это отрицание существующего светского государства не только как партнера для диалога, но и вообще как института власти. Остальная часть мусульманской общины, пока еще не определившись в своих предпочтениях, по сути, остается «бесхозным ресурсом». Трудно оценить их точное количество, но в процентном соотношении они представляют собой большинство. И в общине есть духовные лидеры (со своими группами приверженцев, учеников), которые не признают правоту как Хизб ут-Тахрир, так и салафитов, но не видят путей для своей реализации, перспектив учета мнения мусульман в общественных отношениях и государственном строительстве. Их удел – «параллельная реальность». По сути, они не нуждаются в государстве – принцип «лишь бы не мешали жить». Параллельность развития мусульманской общины и светской части общества ведет к формированию «анклавного мышления», идеологии обособления от общества и государства. Следующим этапом после «обособления» логично вытекает этап противопоставления и отторжения (который уже частично начался) и как следствие, в долгосрочной перспективе, «идейное противостояние». Тем самым ислам превращается в один из составных элементов государства и, возможно, одним из важных компонентов, в региональном масштабе, центральноазиатской государственности нового типа».

Этот анализ, исходящий изнутри региона, заключается следующими выводами:

«Что касается эволюционного распространения ислама, то возникает вопрос о том, как и при каких условиях этот процесс может получить политически революционную динамику, и приведет ли это к потере лояльности большинства верующего населения по отношению к государству?... При оценке потенциала как государства, так и мусульманского сообщества важно определить, в какой степени взаимное влияние может способствовать укреплению структур государственной власти и расширению возможностей для дальнейшего государственного строительства».

V. Гражданская стратегия, методы, инструментарий

Последний раздел возвращает нас к отправному мотиву исследования – охватить центральноазиатскую *социальную специфику* и соответствующие ей гражданские варианты предотвращения религиозной радикализации. Какой должна быть стратегия гражданского превентивного реагирования?

Почему она должна быть социально релевантной и поэтому отличаться от принятой стратегии военного и полицейского воздействия?

V.1 О главном

При радикализации сегментов мусульманского населения вплоть до экстремистских крайностей возникают сразу несколько опасностей: возможное соединение внутреннего и внешнего терроризма; возможное отчуждение общественных слоев от носителей политической власти и потеря доверия к ним; растущее религиозное (и политическое) влияние иностранных исламистских сил, обещающих безграничную религиозную свободу и социальную солидарность; салафизация экономически и социально слабых государств. Такую опасность несет в себе в первую очередь неофундаменталистский «оборонительный джихад»¹ в виде «гражданских» средств исламизации общества снизу². Так или иначе, если подобная стратегия реализуется, обществам региона грозит «реисламизация», основанная на крайне регрессивных нарративах, отличающихся коренным образом от автохтонной центральноазиатской «эмансипации» ислама, о которой говори-

¹ Wiedl N. Deutschland als «Feindesstaat» oder Land des Sicherheitsvertrags?, Salafistische Narrative und ihre Bedeutung für (De-)Radikalisierung (Германия как «вражеское государство» или страна договора о безопасности? Салафитские нарративы и их значение для (де-)радикализации), Sicherheitspolitik-Blog. S. 44.

² В исламской среде Центральной Азии это течение называют «пацифистско-нетрадиционным», которое, «в отличии от протестной идеологии политического ислама, в котором заложена возможность насильственной смены власти, имеет стратегию, рассчитанную на долгосрочную перспективу, т.е. исламизации эволюционным путем, снизу вверх».

лось выше. От этого будут страдать в первую очередь женщины и молодежь.

Что касается дискурса о целях и конкретной направленности гражданской антитеррористической стратегии, то надо обратить внимание на «единство в разнообразии» исламистских движений. «Единство» как синоним широкого консенсуса в отношении цели – исламизации общества, «разнообразие» выражает широкий спектр их методов и инструментов, вплоть до халифата. То, что центральноазиатские общества в силу своей истории уже являются исламскими, не облегчает выполнение превентивных задач, но делает их более обозримыми: речь идет прежде всего о нахождении приемлемого для всех ответа на вопрос «Как должно выглядеть современное центральноазиатское государство?», соответствующего пониманию секуляризма; надлежащему демократическому управлению светским государством с большинством мусульманского населения, которое соответствовало бы современному исламскому мышлению. Социокультурный плюрализм центральноазиатских обществ является плодотворным источником для ответов.

V.2 Потенциал отражения исламистского терроризма

Исследованные нами страны имеют высокий потенциал защиты общества от различного вида угроз его безопасности, стабильности, а также предотвращения терактов. Опираясь на оценки собеседников и другие источники, можно считать, что в Казахстане терроризм, как и мусульманская политическая активность, не представляют политическую угрозу существующему режиму. Кыргызстан также использует комбинированный подход в области борьбы с терроризмом, который основан как на силовых методах, так и на попытках профилактики радикальных взглядов. Силовые структуры Кыргызстана накопили практический опыт в области предотвращения терактов. Таджикистан имел опыт прямых военных действий с вооруженной исламской оппозицией (ОТО) во время гражданской войны. Особенность Таджикистана заключается в том, что он всегда опирался и, очевидно, как показывает запрет ПИВТ в 2015 г., продолжает опираться на силовые методы борьбы

с терроризмом и политическим исламом. В целом эти методы более или менее эффективны в краткосрочном плане, но не дают продолжительного эффекта в искоренении внутренних или внешних истоков терроризма.

Такая картина кажется удовлетворительной с точки зрения оценки превентивного потенциала против террористических организаций типа ДАИШ и Аль-Каиды. Однако даже если совместными усилиями соответствующих органов региона, России, Китая и Европы удастся предотвратить их атаки, одна ключевая задача остается невыполненной: остановить религиозную салафитскую индоктринацию, идущую извне. Если она успешно распространится, то регион может превратиться в источник постоянных кризисов, наподобие ситуации с талибами Афганистана. Помимо этого, население молодых государств останется далеко от любых эмансипационных импульсов, и их ожидания от современного государства останутся неосуществимыми.

В дальнейшем мы постараемся структурировать названные цели предотвращения радикализации и определить их более конкретно.

V.3 Ключевые области предупреждения – методологические предложения

Наблюдения за спецификой радикализации, её источниками и причинами в трех вышеупомянутых странах показывают определенную специфику превентивных мер с точки зрения соотношения целей и средств. При этом гражданская превентивная, несиловая стратегия должна быть социально релевантна, приемлема для большинства затронутых сторон, ясно сформулирована, оформлена прагматично и применяется на практике.

Определение целей превентивной гражданской стратегии должно основываться на реалистической оценке истоков и причин радикализации, их характера, общественного охвата, и соответственно, следует уточнить социальное целевое направление действия.

Для оценки подходят следующие критерии:

а) общественный охват области конфликта (определенные группы общества: социальные, религиозные, возрастные и т.д.);

б) характер причин конфликта и их природа (объективная или субъективная);

в) оценка управляемости радикализацией (легко контролируемая, трудно регулируемая или контролируемая только при определенных условиях, пока еще не контролируемая – мирное сосуществование сторон, например, в случае конфликтов между светской и исламской сторонами);

г) рассмотрение и уточнение нормативных требований урегулирования конфликта;

д) разъяснение человеческого потенциала и фактических действий;

е) определение приоритетов и методы исполнения программ.

В соответствии с вышеизложенными критериями можно отфильтровать предпосылки для сотрудничества между государственными органами и гражданским обществом.

V.4 Превентивные приоритеты

Участники подписания Алматинского меморандума октября 2017 г. согласились со следующими приоритетами гражданского предупреждения религиозной радикализации:

«Мы далеки от того, чтобы предлагать всеобъемлющую стратегию профилактики радикализма и дерадикализации, но мы определили некоторые элементы, которые необходимо разрабатывать и развивать в будущем.

Во-первых, профилактика должна начинаться на самой ранней стадии и в идеале препятствовать любой форме радикализации. Таким образом, необходимо сосредоточить усилия на этапе, предшествующем радикализации. Чем дальше продвигается процесс радикализации, тем труднее добиться дерадикализации.

Во-вторых, мы призываем к тому, чтобы государства проводили религиозную политику, релевантную условиям региона. Современная структура, регулирующая отношения между государством и исламскими общинами, должна характеризоваться взаимным уважением, сотрудничеством и признанием сфер интересов друг друга. В этой связи важно, чтобы обе стороны определили, что они ожидают друг от друга. В то время как религиозные деятели должны

обсуждать и объяснять свои функции по отношению к государству, государство должно обеспечить рамки, в которых происходит сотрудничество по вопросам, представляющим общий интерес, вместо того, чтобы регулировать повседневную религиозную жизнь. Необходимо искать общее понимание базовых позиций по таким вопросам, как:

- ☑ спорные категории, например, такие, как светская государственность в обществе с мусульманским большинством;
- ☑ жизнеспособность и взаимозависимость ценностей демократии, верховенства права, прав человека, и ценностей в странах Центральной Азии;
- ☑ принципы и гарантии невмешательства правительств в конфессиональные законы, с одной стороны, и мусульманских институтов в правительственные дела – с другой;
- ☑ модернизация религиозного образования, в том числе и для укрепления ханафитских традиций исламского обучения в Центральной Азии;
- ☑ Установление новых взаимовыгодных отношений с мусульманским духовенством стало бы ключевым шагом к вовлечению его в качестве равноправного партнера в развитии «общего дома». В этом случае ислам воспринимался бы во всей его полноте и сложности как религия, мировоззрение и набор социальных правил и практик.

В-третьих, и государства, и исламские общины должны предпринять совместные усилия по модернизации религиозного образования и повышению его качества. При этом обе стороны должны уважать свои сферы компетенции. Более высокий уровень религиозного образования также укрепит авторитет ханафитской правовой школы и, следовательно, ее потенциал в профилактике радикализма и дерадикализации. **В-четвертых**, гендерные вопросы: наряду с соображениями данного меморандума, а также предложениями раздела III.5.2 «Гендер и гражданское предупреждение» считается целесообразным создать рабочую группу для выработки мер по развитию гражданской профилактики радикализации соответственно гендерной специфике¹. Это касается:

¹ Первое предложение 4-го пункта является авторским дополнением.

а) поддержки неправительственных женских организаций (НПО), которые занимаются в том числе и предотвращением радикализации. Они часто работают без соответствующей подготовки в этой области и имеют весьма ограниченную поддержку со стороны своих государств. Проекты в основном поддерживаются международными организациями и обычно ограничены 1–2 годами. Наши партнеры по интервью заявили о своем желании участвовать в международном сотрудничестве и получать поддержку для создания новых организаций. Это касается также: **б)** международных и региональных организаций таких, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, доноров стран СНГ, Программа развития Организации Объединенных Наций, ООН – женщины и др.

V.5 Категоризация приоритетности профилактических мер¹

В сложившихся в изучаемых странах условиях целесообразно разделять профилактические меры на следующие категории:

1. *Краткосрочную (реактивную) стратегию*, направленную на работу с уязвимыми группами и имеющую целью снизить сложившуюся к текущему моменту напряженность. В рамках краткосрочной стратегии необходимо сосредоточиться на неотложных задачах, более или менее легко решаемых при существующих обстоятельствах;

2. *Среднесрочную стратегию*, направленную на решение задач, требующих создания определенных условий;

3. *Долгосрочную (проактивную) стратегию*, направленную на решение задач, для которых потребуются разносторонние меры по искоренению условий, способствующих радикализации, ведущей к насилию, как, например реализация реформ в социально-экономической сфере, в области образования и т.д.

Реактивная и проактивная стратегия взаимосвязаны между собой, меры и инструментарий, реализуемые в рамках краткой и среднесрочной стратегии, могут являться базовыми для наращивания потенциала общества и государства при реализации проактивной стратегии.

¹ Автор является одним из региональных участников проекта.

V.5.1 Меры по категориям

Следует особо подчеркнуть, что в данном пункте следующие конкретные направления деятельности предлагали региональные участники проекта, а автор их лишь представляет.

Краткосрочная стратегия направлена на работу с группами и лицами, подверженными риску радикализации, ведущей к насилию, – так называемыми «уязвимыми группами» (сельская молодежь, молодые женщины, внутренние мигранты, семьи людей, подверженных радикализации, молодые специалисты). Ключевой принцип реактивной стратегии: недопустимость «навешивания ярлыков» и рассмотрения лиц, входящих в «уязвимую группу» как потенциальных террористов или преступников.

Краткосрочная стратегия включает в себя такие меры, как:

- ☑ отработка системы взаимодействия полиции с населением в соответствии с рекомендациями ОБСЕ¹;
- ☑ подготовка специалистов (прежде всего – учителей, социальных работников, психологов, теологов, религиоведов, работников неправительственных организаций и полицейских) ко вступлению в контакт и оказанию поддержки лицам, входящим в «уязвимые группы»;
- ☑ установление контактов с лицами, входящими в «уязвимые группы», и определение социальных, экономических и психологических проблем, способных подталкивать их к радикализации, ведущей к насилию;
- ☑ налаживание взаимодействия местных сообществ, в том числе религиозных, и заинтересованных правительственных и неправительственных структур;
- ☑ работа не только в учебных заведениях со студентами, но и с молодежью, работающей на базарах, проживающей в неблагополучных районах, сельских населенных пунктах и т.д.;

¹ См., например, рекомендации в документе «Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: подход, основанный на взаимодействии полиции с населением» (Вена: ОБСЕ, 2014).

- ☑ необходимо акцентировать в публичном пространстве (в информационной сфере) внимание на работе полицейских структур в превентивном направлении, а не только на совершенных ими насильственных акциях (в том числе – террористических);
- ☑ максимальное использование потенциала религии в интересах национального согласия, укрепления национального государства, духовного и нравственного воспитания;
- ☑ совершенствование законодательной базы, гармонизация отношений между государственными органами и религиозными организациями с учетом современных реалий;
- ☑ повышение статуса государственного органа по делам религии, усиление его партнерской, координирующей функции в целях обеспечения свободы вероисповедания, соблюдения законов и предотвращения политики давления во взаимоотношениях государственных органов и религиозных организаций;
- ☑ уважение исламских ценностей, как составной части национальной культуры, со стороны государственных органов и учреждений.

Среднесрочная стратегия: задачи, для решения которых потребуется создание определенных условий.

Более сложными задачами по противостоянию радикализации, ведущей к насилию, являются меры, охватывающие несколько векторов деятельности на среднесрочную перспективу от одного до двух–трех лет. Например:

- ☑ **социально-экономические реформы.** С целью ограничения причин недовольства социальным и экономическим положением, вызывающим радикализацию и экстремизм, привлекать к превентивным мерам предпринимателей и банки для создания рабочих мест; расширять строительство жилья для молодых семей; развивать профессиональное обучение молодежи;

- **укрепление национального инвестиционного потенциала** посредством принятия законодательных мер по ограничению оттока национального капитала;
- **развивать специальную стратегию сокращения бедности.**

Главная задача: сделать бедность обратимым, временным и тем более не наследуемым социальным состоянием¹;

☑ **работа правоохранительных органов.** Дополнительно к действиям в рамках реактивной стратегии ключевой составляющей контрэкстремистских нарративов должно стать преодоление разрыва между правоохранительными органами (прежде всего – судебными, прокурорскими и полицейскими институтами) и населением (сообществами) с целью формирования системы взаимного доверия и сотрудничества. В соответствии с основными принципами взаимодействия правоохранительных органов с населением сотрудники полиции (главным образом – участковые полицейские) должны:

- знать местных жителей, быть известными и доступными для местного населения;
- вовлекать в сотрудничество местные сообщества, мобилизовать их и строить партнерские отношения с ними;
- выслушивать проблемы населения и реагировать на его нужды;
- соблюдать и защищать права всех представителей местного населения;
- публично отчитываться о своих действиях и достигнутых результатах;

☑ **Работа средств массовой информации и новых социальных медийных ресурсов.** Наиболее жесткой формой социально, экономически и политически мотивированного насилия является терроризм, а его ключевой составляющей – присутствие в информационном пространстве. Это обуславливает необходимость привлечения средств массовой информации и новых социальных медийных ресурсов

¹ Шоисматуллоев Ш. Указ. соч. С. 204.

к продвижению контрэкстремистских нарративов. Например: через формирование системы ответственности лиц и сообществ, присутствующих в медийном пространстве; через организацию стратегических информационных кампаний в средствах массовой информации и в социальных сетях с целью противодействия пропаганде социально, экономически и политически мотивированного насилия.

☑ **Деятельность неправительственных организаций.**

НПО целесообразно фокусировать свою деятельность на четко определенных «уязвимых» социальных группах преимущественно на уровне местных сообществ (детей; радикализирующихся мужчин; сельских мигрантов, трудовых мигрантов и их семьи; безработную молодежь и т.д.).

Сферами, в которых НПО могут осуществлять эффективную работу, являются:

- организация индивидуального предпринимательства, самозанятости и профессиональной подготовки мигрантов и членов их семей, безработной молодежи;
 - осуществление правового просвещения уязвимых слоев населения;
 - реабилитация граждан, подвергшихся воздействию радикальных организаций и идеологий;
 - осуществление общественного контроля над деятельностью правоохранительных органов и судебных учреждений;
 - формирование добровольных структур в сфере охраны общественного порядка;
 - деятельность в сфере защиты прав человека.
- ☑ **Осуществить ревизию религиозического образования:** усилить компоненты курса, направленные на разъяснение характера и принципов светского государства; акцентирование духовности и морально-нравственных императивов религии, а не изучение ее в контексте общественно-политической системы (религию необходимо изучать без идеологии);

- ☑ **Реформировать религиозное образование**, повысить научный уровень и статус религиозных вузов в интересах повышения религиозной образованности населения и предотвращения распространения радикальной интерпретации религии;
- ☑ **Сделать ставку на системное обучение теологов** или организовать обучение специалистов в исламских образовательных центрах, традиционно занимавшихся подготовкой религиозных деятелей для стран Центральной Азии.

Долгосрочная стратегия предполагает принятие мер в тех областях, которые имеют отношение к противостоянию социально, экономически и политически мотивированному насилию (в том числе – терроризму). Среди этих мер основными являются:

- ☑ **дальнейшее решение негативно влияющих на ситуацию социально-экономических проблем** (таких, как коррупция, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи и т. д.);
- ☑ **борьба с нетерпимостью и дискриминацией**, а также поощрение взаимного уважения, сосуществования и гармоничных взаимоотношений между этническими, религиозными, языковыми и другими группами;
- ☑ **поддержка мирного урегулирования споров** и существующих конфликтов, внедрение в повседневную практику медиации как способа их разрешения.

V.5.2 Краткосрочная стратегия по созданию доверия между государством и религиозными деятелями и общинами¹

Необходимо принятие мер по укреплению доверия к оптимальным вариантам взаимодействия и взаимовыгодных отношений государственной власти и представителей религии. Создание доверия между этими сторонами, определяющими общественную

¹ Раздел опирается на опыт четырехстороннего постконфликтного проекта таджикских исламистов и секуляристов высокого ранга, немецких и швейцарских экспертов по разработке «Мер укрепления доверия» (2001–2003).

атмосферу, в том числе радикализацию, является краеугольным камнем предупреждения радикализации, ведущей к насилию. Нужно выяснить, какие теоретические, политические, правовые и религиозные рамки требуются для этого, как можно законодательным путем установить место и роль религии в государстве, чего государство ожидает от религии и чего ожидают религии от государства, в чем состоит свобода исповедания религии и её пределы.

Ни одна из сторон не должна понимать диалог как тактический маневр или ориентировать его в эту сторону. Нужно обсуждать две взаимосвязанные задачи стратегического значения:

1. ***Профилактика радикализации, экстремизма и применения насилия на религиозных и светских основаниях.***

Она потребует избавиться от существующих у обеих сторон недоверия к стратегическим намерениям каждой из них. «В обмен на признание религии большинства как составной части государственного ресурса, и ее привлечении в решении духовно-нравственных, социальных проблем общества, при этом национальная модель (светский и демократический характер государства) получит легитимность со стороны правовых норм ислама»¹.

2. ***Служить базой для развития взаимного понимания основ, принципов и механизмов кооперации ислама и государства.*** Конкретно это означает совместное развитие вертикальных механизмов мирного сосуществования и взаимного дополнения, «разделения труда»: сильное светское *правовое* государство позволяет своим гражданам обратиться к религии благодаря гарантиям религиозных прав человека². Чтобы их осуществить, не потребуются ни изме-

¹ Высказывание исламского участника проекта.

² Это соответствовало стратегической переориентировке бывшего председателя ПИВТ Саида Абдулло Нури после подписания мирных соглашений с таджикским правительством в 1997 г. В условиях мира и участия бывших оппозиционных функционеров ОТО Нури отказался от прежней стратегии создания исламского государства. Он видел проблемы такой ориентации в том, что она концентрирует внимание на вопросе власти и направляет общество на то, чтобы достичь своей связи с исламом посредством изменения политического строя. Так как эта концепция предполагает борьбу за власть, это неизбежно

нение конституционного строя, ни организация нелегальной политической деятельности или применение насилия. Такой подход снимает вопрос о власти с первого места в повестке дня, что, в свою очередь, позволяет снизить напряжение в светско-исламских отношениях.

Какие **краткосрочные меры** считаются возможными:

- ☑ **Анализировать причины недоразумений или неясностей** относительно, с одной стороны, интерпретации светского характера государства, и, с другой, места и роли ислама и его представителей в нём;
- ☑ **Обсуждать взаимные потребности устойчивой внутренней и внешней стабилизации;**
- ☑ **Преодолевать разъединяющие факторы и спорные вопросы**, целесообразно совершенствовать консультативные процедуры, предназначенные для разработки совместных задач и урегулирования спорных вопросов. Важнейшей исходной базой для этого являются объединяющие факторы;
- ☑ **Создать при главах республик консультативный форум**, который бы способствовал устойчивости диалога между представителями государства и представителями религии с целью обсуждения приоритетов сотрудничества, открытых вопросов и путей преодоления недоразумений. Важная цель данного подхода видится в создании атмосферы доверия, гармоничности и культуры конструктивного обмена, сотрудничества и сосуществования, предотвращения политической и религиозной радикализации;
- ☑ **В качестве первого шага договориться об определенных принципах самого диалога.** Приоритет должно

ведёт к конфликту. Нури отвергал такой подход, перейдя от стратегии «исламского государства» к стратегии «исламского общества». «Мусульманское общество» в понимании Нури – это определенные рамки поведения людей, как в их личной жизни, так и в отношениях с другими людьми в соответствии с канонами ислама. Чтобы это гарантировать, С. А. Нури не требовал ни изменения конституционного строя, ни организации нелегальной политической деятельности. Исходя из этой основной позиции, Нури поддерживал также светский характер государства. По его ожиданиям, сильное светское *правовое* государство позволяет гражданам обратиться к религии благодаря гарантиям религиозных прав человека.

иметь одно взаимное обязательство всех сторон – совместно искать решения, которые обеспечат стабильность внутри страны. Основы диалога:

- воспринимать его как основной принцип сотрудничества и единственный легитимный метод постановки, обсуждения и решения спорных проблем;
- строго придерживаться существующих законов и норм действующих конституций;
- исключить применение радикальных мер и силовых методов при решении спорных вопросов;
- руководствоваться принципами взаимной терпимости, взаимного признания, уважения и равноправного партнерства;
- вести прозрачную политику по отношению друг к другу и своевременно ставить друг друга в известность о возникающих проблемах;
- исходить из объединяющих факторов и совместных целей и анализировать причины противоречий;
- определить совпадающие интересы сторон, такие как: содействие и сотрудничество в деле укрепления национального государства, решение сложных социально-экономических проблем, поддержка демократических процессов и обеспечения политических прав граждан, поддержание внутренней и региональной стабильности, уменьшение влияния экстремистских групп и предотвращения возникновения новых.

VI. Совместные евразийские интересы предупреждения неофундаменталистской индоктринации Центральной Азии

Вопросы и последствия внешней религиозной индоктринации и проникновения в Центральную Азию и другие мусульманские евразийские регионы требуют серьезного внимания международного и европейского сообщества, в частности Российской Федерации и Китая. Кроме того, можно предположить, что и другие соседние страны, такие, как Иран, Турция, Афганистан, Индия, Пакистан, заинтересованы в этой проблематике. В качестве общей мотивации для профилактики можно предположить интерес к поддержанию безопасности и стабильности на евразийском пространстве, экономические аспекты, сохранение Центральной Азии как моста между Востоком и Западом, а также между Севером и Югом через каспийские и кавказские регионы. Ввиду совпадающих интересов, а также рисков и угроз, обращение к этой проблематике сообща могло бы даже укрепить международное доверие. Возможен благотворный эффект на региональные и международные организации, такие, как Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества и другие.

Далее, стоило бы подумать о создании системы «Превентивной гражданской дипломатии ОБСЕ». Преимущество ОБСЕ состоит в том, что государства – участники этой организации – это евразийские партнеры. В пользу такой «превентивной дипломатии» также говорит тот факт, что антизападная ориентация ближневосточных исламистских движений пока не касается европейско-евразийских отношений. Пока что есть время избежать того, что отношение Европы к политическому исламу в Центральной Азии попадет в такой же глубокий тупик, как в случае с Ближним и Средним Востоком. Нужно также принимать в расчет, что мусульманское население Евразии и его элиты остаются религиозными, культурными и политическими факторами постоянного стратегического значения. Это создает новую ситуацию, в которой отношение

к исламу, включая его политических представителей, стало условием общей стабильности.

Результаты этого исследования показывают, что создание светско-исламского доверия является ключом к предотвращению религиозного радикализма. Предлагается подход, соответствующий формуле: сотрудничество, где позиции совпадают, может мирно сосуществовать, в отличие от ситуации, когда разногласия или противоречия слишком глубоки.

Руководствуясь такой формулой, ОБСЕ могла бы помочь открыть дверь для диалога между светской и исламской элитами и представителями гражданского общества. С этой целью ОБСЕ может свести воедино всех, кто заинтересован в сохранении стабильности, включая светские и реформистские исламские силы. Хотя эта проблема по-разному затрагивает разные государства, ОБСЕ может обратиться к проблеме недоверия между светскими политиками и политическим исламом¹.

¹ Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community – From Vision to Reality, Network of Academic Institutions of OSCE member states. Hamburg, Paris, Moscow, Warsaw, 2012. P. 24.

Др. Арне К. Зайферт

Почетный доктор ИВ РАН,

ведущий исследователь

WeltTrends Institute of International Politics

Потсдам (ФРГ)